Pers. 48
Ю. Ш.

АКАДЕМИЯ НАУК
ВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ЗНАНИЙ

2

ПЕРВЫЙ СБОРНИК ПАМЯТИ БЭРА

БИБЛИОТЕКА
В. И. Шолковского

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ЗНАНИЙ

2

ПЕРВЫЙ СБОРНИК ПАМЯТИ БЭРА

БИБЛИОТЕКА
Ю. М. Шокальского

3503

Pers. 48
Ю.Ш.

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Октябрь 1927 г.

За Непременного Секретаря академик А. Е. Ферсман

Редактор издания академик В. Вернадский

Начато набором в марте 1927 г. — окончено печатанием в октябре 1927 г.

Тит. л. + 2 нен. + 71 стр.

Ленинградский Гублит № 44394. — 4³/₄ печ. листа. — Тираж 1.000 экз.

Типография Сев.-Зап. Промбюро ВСНХ. Ленинград, Тучкова наб., 2.

В. И. Шональский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

В. И. Вернадский. Памяти академика К. М. фон Бэра 1
М. М. Соловьев. Переписка академика К. М. фон Бэра с адмиралом И. Ф. Крузенштерном 10
Э. Л. Радлов. К. М. фон Бэр как философ 60

SOMMAIRE

Page

V. Vernadskij (W. Vernadsky). A la mémoire de K. E. v. Baer 1
M. Solovjev. Correspondance de K. E. v. Baer avec l'amiral I. Krusenstern. 10
E. Radlov. K. E. v. Baer comme philosophe 60

Библиотека
Ю. М. Шокальского

В. И. ВЕРНАДСКИЙ

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА К. М. ФОН БЭРА[1]

I

Только что исполнилось столетие со дня выбора в члены-корреспонденты нашей Академии и пятидесятилетие со дня смерти одного из величайших естествоиспытателей, одного из самых замечательных людей прошлого, XIX столетия, и одного из создателей духовного уклада нашей Академии, академика Карла Максимовича фон Бэра. Через два года исполнится столетие со дня выбора его в академики. К этому дню Академия предполагает посвятить его памяти и выяснению его значения в истории мысли и в истории нашей культуры особое заседание и особое издание.

Выставка, открываемая сегодня, организована той же Комиссией, которая должна по поручению Академии Наук подготовить будущее юбилейное заседание; она имеет задачей уже теперь возбудить интерес к его памяти и к творчеству его личности.

Академия Наук приступила загодя к работе над Бэром в полном сознании огромного значения знания хода истории идей, не только как одной из форм выяснения научной истины. Она не может оставлять без внимания то жизненное значение, которое имеет сейчас для нашей страны и для нашего народа выявление научной мысли и творческой научной работы, проникавших их прошлые поколения, их былое.

Это выявление, возможно полное и глубокое, широкий охват этим знанием всего народа имеет первостепенное значение для народного самосознания. А осознанность народом своего бытия есть, может быть, самая большая сила, которая движет жизнь.

---

[1] Речь, произнесенная 2 января 1927 года на открытии выставки, посвященной К. М. фон Бэру.

II

Мне кажется, что в этом отношении история нашего народа представляет удивительные черты, как будто, в такой степени небывалые.

Совершался и совершается огромный духовный рост, духовное творчество, невидные и несознаваемые ни современниками, ни долгими поколениями спустя.

С удивлением, как бы неожиданно для самого народа, они открываются ходом позднейшего исторического изучения.

Первой открылась взорам мыслящего человечества — и осозналась нашим народом — русская литература. Былины были открыты в этом смысле в конце XVIII столетия, частью в среде, близкой к нашей Академии; украинские думы — в начале прошлого века. Но великая новая русская литература вскрылась в своем значении лишь на памяти живущих людей. Пушкин выявился тем, чем он был, через несколько поколений после своего рождения. Еще в 60-х годах один из крупнейших знатоков истории русской литературы, академик П. П. Пекарский, приступая к изучению истории литературы петровского времени, ставил вопрос — имеет ли русская литература вообще какое-нибудь мировое значение, или ее история не может изучаться в одинаковом масштабе с историей великих мировых литератур и — имеет местный интерес, интерес исторически второстепенный. Он решал его именно в этом последнем смысле. Это было после Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя — в расцвет творческого выявления Толстого, Достоевского, Тургенева. Сейчас взгляд Пекарского, точно выражавшего народное самосознание того времени, кажется анахронизмом. В мире — не у нас — властителем дум, дум молодых поколений, царит Достоевский; глубоко вошел в общечеловеческое миропонимание Толстой. Но мировое значение русской литературы не было сознано ее народом; оно не им было введено в другую духовную среду. Когда де Вогюэ обратил внимание Запада, в частности сперва французского, на мировое значение русской литературы, когда началось ее вхождение в общее сознание — именно этот факт открыл глаза и тому народу, созданием которого она является. Он понял, что́ он создал.

Еще более ярко это самое свойство проявляется в том еще незаконченном движении, которое сейчас идет в нашем народном самосознании — в понимании нашего творчества в живописи и зодчестве. Я не говорю о том, что творческая работа в этих областях, скажем в XVIII и в первой половине XIX века, открылась благодаря проникновенной научной работе наших современников, одним из вдохновителей которых был безвременно скончавшийся Н. П. Врангель. В этом проникновении в художественную старину выявилась перед нами совершенно почти забытая, во всяком случае совершенно неосознанная полоса огромного народного художественного творчества. В русской иконописи и в связанном с ней искусстве открылось явление, длившееся столетия (от XIII до XVII века) — расцвет великого художественного творчества, стоящий наряду с эпохами искусства, мировое значение которых всеми признано. Перед нашим удивленным взором открывается великое творчество того же порядка, как и русская литература XIX столетия — совершенно забытое, восстанавливаемое и оживляющееся так же, как в эпоху Возрождения из земли возращалось в своих остатках античное зодчество и скульптура. Это древнее русское искусство, как сейчас ясно видно, могло возникнуть и существовать только при условии, что оно было связано втечение поколений глубочайшими нитями со всей жизнью нашего народа, с его высокими настроениями и исканиями правды. И совершенно ясно, что его осознание есть сейчас факт крупнейшего значения в жизни нашего народа.

Сейчас, мне кажется, мы подходим к новому явлению того же характера. Начинает вырисовываться неосознанная новая сторона нашей вековой духовной работы — работы русского народа и русского государства в научном творчестве. Настала пора его выяснения.

К этой работе зовет нас и та скромная выставка, которую мы сегодня открываем. Что́, научная работа русского народа является мало заметным явлением в росте знания человечества? Что́, русская мысль теряется в мировой работе? Или гений нашей страны и здесь, как и в художественном отражении нас окружающего, выявил новое, богатое, незаменимое, единственное. Восемьдесят семь лет тому назад Карл Максимович фон Бэр, память которого мы сейчас празднуем, оценивая деятельность крупного ученого, первого русского круго-

светного мореплавателя, исследователя южных частей Тихого Океана, Ивана Федоровича Крузенштерна, поставил ее в историческую обстановку, которая нами обычно забывается.

Он видел в Крузенштерне живого человека, творящего всемирную историю, как он говорил, т.-е. человека, работа которого выходит в своем значении за пределы одной страны и одного народа. И он говорит, что Крузенштерн явился здесь прямым продолжателем и теснейшим образом связан с той вековой работой, которую совершили русские землепроходцы открытием северной Азии, северных морей и пролива, отделяющего Евразию от Америки. Несомненно, эта работа старых веков, XV — XVII, была по своим научным последствиям столь же высокой важности научным достижением, как то раскрытие карты мира, какое совершено было моряками Запада XVI — XVIII столетий.

Но в научных достижениях основным является творчество отдельной личности. Какое место здесь должна иметь наша страна?

Лучшим ответом может служить личность того человека, которого мы сегодня вспоминаем.

Кто такой был Бэр? Какое место принадлежит ему в истории научной мысли? Наряду с кем он может и должен быть поставлен?

Достаточно назвать эти имена, имена равных ему биологов его столетия, это — Ламарк, Кювье, Дарвин, а имена более старых: Аристотель, Гарвэй, Реди.

Сознавал ли Петербург того времени, в котором он провел более сорока лет жизни, кто жил и работал в его среде? Сознаем ли мы это теперь?

III

Академия Наук тогда это понимала. Три человека сейчас выдвигаются из прошлого, из блестящей плеяды творческих умов, проходивших через нее втечение двухсот лет — Михаил Васильевич Ломоносов, Леонард Эйлер и Карл Максимович фон Бэр.

Они наложили неизгладимую печать на всю ее историю. Все трое были одарены и исключительной работоспособностью, и твердым сознанием жизни, как долга, и великим творческим

умом. Эйлер был современником Ломоносова, Бэр застал в Академии живую традицию Эйлера. Семья Эйлера восемьдесят семь лет бессменно — три поколения подряд — руководила всей научной работой Академии; она создавала и поддерживала вековую традицию, которой мы живем. Бэр не только застал правнука Эйлера, Павла Николаевича Фуса, непременным секретарем, но он провел с ним большую часть своей академической жизни.

Примат научной работы перед всем, неуклонная и непрестанная творческая научная работа, искание истины, как цель жизни и цель Академии, высокое понимание обязанностей ученого, с одной стороны, и, с другой, работа на пользу России и русского народа как в распространении знаний, так и в приложениях науки к жизни — это был завет и Ломоносова, и Эйлера, и Бэра.

Бэр вошел в среду Академии в знаменательный период ее истории. Она вступала, под влиянием президента Сергея Семеновича Уварова и, особенно, непременного секретаря Павла Николаевича Фуса, в период расцвета. Она быстро обновлялась в своем составе, и ее значение так же быстро поднималось. В ее среду вошел ряд новых академиков, выбранных правильно, как говорят, — удачно, выбранных вполне сознательно; людей, полных энергии, творческой мысли, понимания долга и серьезности жизни. Академия старалась их в себя вбирать. Она употребила все усилия, чтобы привлечь к себе и удержать у себя и у России Бэра.

Бэр был коренным образом связан с Россией, с Эстляндией. Его семья втечение столетий срослась с этим краем, медленно, поколениями поднимаясь из бюргерских низов Ганзы в его дворянский господствующий класс. Но Карл-Эрнест фон Бэр, профессор в Кенигсберге в Пруссии, казалось, навсегда ушел из своей страны.

Великой заслугой Академии и первым делом П. Н. Фуса было его привлечение; оно удалось не сразу.

Почти сорок лет жизни, непрерывной работы и творчества отдал он Академии. Он работал в среде конгениальной. В ней в его время Герман Иванович Гесс открывал законы термохимии, Эмилий Христианович Ленц, один и вместе с Борисом Семеновичем Якоби, выявлял законы электромагнетизма, сам Якоби открыл гальванопластику. При нем первый Струве,

Василий Яковлевич, создавал Пулково и производил свои бессмертные работы по астрономии, Адольф Яковлевич Купффер организовывал магнитные и метеорологические наблюдения по всей России, Пафнутий Львович Чебышев творил новые отделы математики, Николай Николаевич Зинин работал в первых рядах творцов органической химии... Это отдельные имена из многих, но они дают понятие о размахе научного творчества. Оно шло с поразительным блеском в самых разных областях знания. Академия Наук в Петербурге 30—60-х годов стояла в первых рядах, на одном из самых первых мест в мировой научной организации по силе, глубине, размаху и интенсивности своих научных достижений.

Но Академия всегда была теснейшим образом связана с жизнью. Академики принимали в это время живейшее участие в культурном строительстве страны, в создании научного преподавания как высшего, так и среднего. Интересы школы, высшей и средней, в их среде играли огромную роль. Жизненная работа в этом направлении Гесса, Ленца, Михаила Васильевича Остроградского, Константина Ивановича Арсеньева, Петра Александровича Плетнева и, особенно, Фуса нами еще не осознана. В той великой исторической неудаче, тяжелой по своим последствиям, которую пока терпит наш народ в области средней школы, этими людьми сделано больше для лучшего будущего, чем думают. Николай Николаевич Зинин сумел создать небывалый в истории тип высшей школы в Медико-Хирургической Академии; его создание не устояло, но оставило глубокий след в истории русской культуры.

Все эти вопросы глубоко волновали мысль тех замечательных людей, которые в это время собрались в Академии, и в среду этих интересов вошел сразу и играл в ней, как видно по указаниям современников, большую роль К. М. фон Бэр.

Другой круг общественных интересов Академии был иного характера: это было изучение естественных производительных сил нашей страны. Здесь Бэр, как это легко убедиться и на выставке, оказал огромное влияние.

Достаточно вспомнить, что ему в разруху Крымской войны, когда так называемая „голландская“ сельдь заколебалась в своем проникновении в нашу страну, удалось ввести в народное потребление каспийскую селедку, научить ее приготовлять.

Бэр этим на миллионы рублей увеличил национальное богатство. В этой области мы обязаны ему, правда косвенно, и другим, еще более важным по последствиям предприятием Академии — организацией Сибирской экспедиции Александра Федоровича Миддендорфа. Миддендорф был сам одним из крупнейших натуралистов своего времени, человек широкого ума, с государственным охватом. Мы все знаем, какое значение имеют до сих пор его работы; большое будущее ожидает еще впереди многие его недоконченные начинания. Его экспедиция привела к включению в Россию Амурского края. Она была организована при живейшем участии и огромном напряжении воли и мысли Карла Максимовича Бэра.

IV

Академия вошла в связь с Бэром сто лет тому назад и независимо от избрания его в члены-корреспонденты. Сто лет назад он сделал великое открытие, завершившее многовековую работу естествоиспытателей — он открыл *яйцо млекопитающих*, сперва на собаке. Эту свою работу он посвятил нашей Академии Наук, не будучи еще ее членом.

Его главная основная заслуга — создание нового отдела знания, эмбриологии позвоночных животных. Другой наш знаменитый сочлен, один из его заместителей, Александр Онуфриевич Ковалевский, довершил эту работу созданием эмбриологии беспозвоночных.

Конечно, натуралист не творит новый отдел науки из своего разума. Он не может даже творить только из своих исследований. Но он, охватывая свой и чужой эмпирический материал, накладывает на него печать своего гения: под его дуновением бесформенный материал превращается в стройную систему, и разрозненные факты оказываются частью единого, не случайного целого — научная работа поколений идет в указанных рамках.

Это сделал Бэр в своей неоконченной основной работе „О развитии животных“, вышедшей на немецком языке в 1828 — 1837 годах; последняя, посмертная часть вышла лишь в конце прошлого столетия.

Здесь заложены прочные пути эмбриологии, всего понимания строения многочисленных организмов, в том числе и человека, и в этих путях наука идет посейчас неуклонно.

Через тридцать лет после этой работы Бэр опубликовал — сперва в Астраханских Губернских Ведомостях, так как мысль явилась ему во время его работ в Каспийском море — другое обобщение, так называемый *закон Бэра* — объяснение характера берегов рек вращением земли. Простая идея, связывающая геологические и географические явления с общими свойствами планеты, имела огромные последствия и была более важной, чем думал сам Бэр.

Два столь разнородных обобщения характерны для его личности. Они не случайны. Они связаны с работой того типа великих естествоиспытателей, какими являлись и Дарвин, и Кювье, и Ламарк, и Гарвей, и Реди, и Аристотель. У всех них найдем такие, кажущиеся нам случайными, разносторонние обобщения и искания.

Они связаны с тем поразительно глубоким чувством единства Природы, единства Космоса, которое проникало всю их личность. Закон Бэра, открытие яйца млекопитающих, законов развития животных для Бэра были проявлением одной Природы, разными формами единого.

Бэр имел свое, ни с кем из современников не сходящееся представление о Природе, о сущем. Он был проникнут до конца глубоким сознанием ее единства и ее значения. Он глубже, чем кто-нибудь до него и, может быть, после него, понимал, понимал всем существом своим, связь всего и в частности то, что сейчас выявляется нам в геохимии — связь живого с окружающей косной материей. У Бэра мы должны искать наиболее глубокие проявления тех идей естествознания, которые связаны с идеей „гармонии природы“, как тогда говорили, „порядка природы“, как мы теперь говорим.

Благодаря этому своеобразию и глубине мысли и сознания целого, работы Бэра не устарели. Его речи, написанные блестящим и своеобразным немецким — родным ему — языком, читаются сейчас с неослабным интересом и дают каждому больше, чем множество новых работ и исследований.

В них много найдет неожиданного каждый, кто к ним обратится.

В своих обобщениях, многие из которых имеют большой философский интерес, Бэр остается всегда естествоиспытателем и ученым. В этом, мне кажется, как раз и заключается их философская значимость.

Человек широчайшего образования, огромной честности в научной работе, мысль которого останется живой столетия, как мысль великих натуралистов — Аристотеля, или Гарвея, или Реди—Бэр был человеком цельного мировоззрения, и ничто человеческое ему не было чуждо.

Он глубоко интересовался философией. Он всю жизнь проникал в область веры, ею был охвачен.

Здесь его личность чрезвычайно интересна. Он жил в эту эпоху, как древний пантеист, так как он не был христианином.

В Петербурге николаевского времени жил великий естествоиспытатель и великий мудрец.

Это исторический факт огромного значения в создании нашей культуры, хотя немногие современники это сознавали. Это начинают понимать потомки.

М. М. СОЛОВЬЕВ

ПЕРЕПИСКА АКАДЕМИКА К. М. ФОН БЭРА С АДМИРАЛОМ И. Ф. КРУЗЕНШТЕРНОМ

„Es ist einmal alles interessant und wichtig, was den alten Herrn von Baer betriffet".

(Moritz v. Engelhardt an Gr. v. Helmersen).

„Ein edler Mensch zieht edle Menschen an und weisst sie festzuhalten", говорит Гете в „Torquato Tasso". Таким человеком был Бэр. Друзьями его были многие выдающиеся люди. Из них в петербургский период жизни Бэра ближе всего к нему стояли три знаменитых моряка — адмиралы И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Литке и Ф. П. Врангель.

Иван Федорович Крузенштерн (1770—1846),[1] первый русский кругосветный мореплаватель, ученый и писатель, в первые же годы своей морской службы прошел серьезную боевую школу, приняв участие в нескольких кампаниях и морских сражениях со шведами и французами. Во время военных действий и сейчас же после них он совершил несколько дальних плаваний на английских военных кораблях и вернулся в Россию опытным моряком. Во время этих странствований у Крузенштерна созрел план кругосветного плавания, ближайшей задачей которого было установление экономической связи России с принадлежавшими ей в то время северо-американскими колониями. Проект Крузенштерна был утвержден, при чем ему предложили, однако, взять на суда английских матросов вместо русских, которые якобы были неспособны на такое далекое плавание. Но Крузенштерн заявил, что на основании своего опыта он считает русских матросов превосходящими по своим морским качествам англичан, и экспедиция благополучно состоялась с русскими матросами.

Путешествие Крузенштерна составило не только эпоху в истории русского флота, впервые покинувшего европейские

---

[1] См. П. Белавенец. Русский биографический словарь. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903, стр. 455 (дана библиография).

воды, но и обогатило науку многими ценными сведениями. Неудивительно поэтому, что описание экспедиции, появившееся по-русски, было вскоре переведено почти на все европейские языки. Путешествие это вместе с тем дало толчок целой серии дальнейших русских научных морских экспедиций: Головнина, Коцебу, Беллинсгаузена, Врангеля, Литке, Лазарева. Все указанные мореплаватели пошли только по следам Крузенштерна, как выразился адмирал Рикорд[1] в юбилейной речи Крузенштерну.

В последующей своей жизни Крузенштерн посвятил себя, главным образом, педагогической и научной работе. Крупным реформатором морского образования он проявил себя в должности директора Морского Корпуса, переведенного к тому времени из Кронштадта в Петербург.

Но, конечно, еще выше его научные заслуги. Крузенштерн напечатал ряд трудов, главным образом, гидрографического характера, высоко оцененных не только русским, но и иностранным ученым миром. Сочинения эти дали ему звание члена Лондонского Географического Общества и многих других иностранных ученых учреждений. Крузенштерн был почетным членом и нашей Академии Наук. Знаменитейшие путешественники его времени были с ним в переписке и зачастую просили его совета. Со многими из выдающихся ученых, как, например, Гумбольдтом, у него установились очень дружеские отношения. К числу таких близких друзей Крузенштерна надо отнести и Бэра, как это видно из нижеприводимой их переписки.

Все три моряка, друзья Бэра, — И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Литке и Ф. П. Врангель, дожили до глубокой старости, как и Бэр. Бэр и Врангель скончались 84 лет, Литке — 85 лет, Крузенштерн прожил до 76 лет. Литке и Врангель были моложе Бэра: Литке на 5 лет, а Врангель на 4 года.

Тесные друзья, Литке и Врангель, были постоянными гостями своего третьего друга Бэра до отъезда его в 1867 году в Дерпт.

---

[1] Петр Иванович Рикорд (1766 — 1855) совершил кругосветное плавание под начальством В. М. Головнина, которого освободил из японского плена. С 1817 по 1822 год управлял Камчаткой, где учредил больницы и школы, ввел огородничество и скотоводство. В 1828 году прославился блокадой Дарданелл, которую англичане признавали неосуществимой. Впоследствии член Адмиралтейств-Совета, председатель Морского Ученого Комитета.

Крузенштерн, бывший на 22 года старше Бэра, расстался с ним значительно раньше, скончавшись в 1846 году.

В Архиве Конференции Академии Наук среди других бумаг Бэра хранится ряд неизданных документов, характеризующих отношения Бэра к знаменитому мореплавателю.

Разбору их и посвящается эта статья.

I

Уже в Кенигсберге в 1819 году у Бэра, тогда еще 27-летнего прозектора и экстраординарного профессора медицины Кенигсбергского Университета, пробудилось, главным образом, под влиянием прочитанной биологии Тревирануса,[1] желание ознакомиться на месте с жизнью крайнего севера. С увлечением стал он изучать для этой цели историю северных путешествий. В результате своих изысканий Бэр пришел к заключению, что наиболее интересной в естественно-научном отношении областью нужно считать Таймырский полуостров, так как по его предположению страна эта, вследствие центрального положения на северном берегу Евразии, должна была бы дать наиболее ценные сведения относительно развития жизни и распространения определенных видов животных и растений на крайнем севере. Но, к сожалению, Таймыр был весьма трудно достижим, и поэтому Бэр остановился на более доступном исследовании Новой Земли и Лапландии. Однако, „кенигсбергскому профессору“, как говорит его биограф Штида, „не так-то легко было добраться и до Новой Земли“. Для этого прежде всего нужны были средства. Их, конечно, было очень трудно достать, и менее всего тем способом, каким мечтал это сделать молодой Бэр, а именно займом денег с возвратом долга после экспедиции путем продажи „натуралий“, которые он должен был собрать на Новой Земле.

Судьба в этот момент попыталась притти ему на помощь. В 1819 году Бэр получил предложение из России принять участие в двух экспедициях, которые должны были отправиться в марте 1820 года через Сибирь к Ледовитому океану. Одна экспедиция предполагала дойти до устья Яны, другая,

---

[1] G. R. Treviranus. Biologie oder Philosophie der lebenden Natur für Naturforscher und Aerzte. Göttingen, 1802 — 1822, Bd. I — VI.

под начальством Врангеля — достигнуть Колымы. Но от этого заманчивого предложения пришлось отказаться. Бэр только что женился в Кенигсберге на Августе фон Медем, [1] да и экспедиция взяла бы у него такое количество времени, на какое ему не дали бы в Кенигсберге отпуска. Указанное русское предложение было сделано Бэру при посредстве дерптского профессора Энгельгардта [2] адмиралом Крузенштерном. Крузенштерну, очевидно, и адресовано найденное мною в Архиве Конференции Академии Наук письмо Бэра к „Его Превосходительству", без какого-либо указания имени, отчества, фамилии и адреса адресата.

Написано оно было Бэром 23/11 января 1820 года в Кенигсберге после посещения им втечение летних вакаций 1819 года Эстляндии, Петербурга и Дерпта. Во время этого путешествия Бэр, как видно из письма, впервые лично познакомился с адмиралом в его имении Асс Эстляндской губернии, к югу от Везенберга, и свои впечатления от этого знакомства он передает самому Крузенштерну в письме. Бэру было тогда, как уже говорилось выше, 27 лет, Крузенштерну же 49. Крузенштерн в чине капитан-командора числился в то время в бессрочном отпуску „по расстроенному дальним вояжем здоровью" и занят был сочинением „Атласа Южного Моря" с приложением гидрографических записок под заглавием „Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением атласа Южного Моря". Письмо это знаменует начало дружеских отношений, в которых с той поры находились неизменно Бэр и Крузенштерн до самой смерти последнего в 1846 году. Оно гласит следующее:

Euer Excellenz bin ich auf das Innigste für das gütige Andenken verpflichtet, das sie für mich bewahrt haben. Bevor ich Ihre Frage beantworte, erlauben Sie mir Ihnen noch einmal für die Stunden zu danken, die ich bei Ihnen auf Ass zugebracht habe. Sie können sich nicht denken, welchen wohlthätigen Eindruck sie auf mich zurückgelassen haben und wie gern ich mich ihrer wieder erinnere.

---

[1] Свадьба состоялась 1 января 1820 года, за 23 дня до приводимого ниже письма.

[2] Мориц Федорович фон Энгельгардт, профессор минералогии и геологии Дерптского университета (1779 — 1842)

So mitten in unserem lieben Esthland einen Mann zu finden, der ganz für die Wissenschaft lebt, ist etwas so Erfreuliches und Ungewohntes, dass es fast romanhaft erscheint.

Interessieren Sie sich für das Meer und die Küsten, so interessiert mich dagegen, was im Meer und an den Küsten sich regt und des Lebens sich freut.

So (erlauben Sie mir den Ausdruck) fühle ich mich Ihnen verwandt und Ihre Anfrage erklang mir als ein angenehmer Zuruf aus einer bekannten Gegend.

Erwäge ich aber alle Verhältnisse der projectirten Reise, so glaube ich doch meine Reiselust bekämpfen zu müssen. Drei Jahre glaubt Wrangel wegbleiben zu müssen, wie Engelhardt schreibt. Das ist eine schöne Zeit und für das Opfer derselben muss ein verhältnissmässiges Preis zu erzwingen sein. Das hoch nördliche Land giebt sehr wenig zoologische Ausbeute — das Meer freilich mehr, ja wahrscheinlich recht viel. So würde mir eine nähere, besonders anatomische Untersuchung der Wallfischarten von dem höchsten Interesse sein. Dazu aber muss man nothwendig über mechanische Hülfsleistung fremder Hände zu gebieten haben. Darnach sieht nun diese Expedition nicht aus. Man muss ferner sicher sein, dass die Instructionen der kommandirenden Officiere nicht so sind, dass alle Untersuchungen für die Zoologie unmöglich werden. Darüber weiss ich aber noch nichts. Dass keine Kräuter dort oben zu finden sind, rührt mich am wenigsten, denn ich halte nicht viel auf das getrocknete Heu, das die Reisenden in Herbarien zurückbringen.

Dennoch würden die kleinern Thiere des Eismeers und die gewiss interessanten Spuren von fossilen Thieren, die Neusibirien liefern muss, mich bewegen ohne Bedenken eine einjährige Reise in diese Gegenden mitzumachen, aber für 3 Jahre erhielte ich den Urlaub schwer und ich würde, wenn ich für d i e s e Reise meine hiesige Stelle aufgebe, doch ein zugewagtes Spiel unternehmen. Ganz anders ist es mit einer Expedition, wie die von Archangelsk nach Novaja Semlja die man in 3/4 Jahren beendigen kann, wozu ich sicher Urlaub erhalte; ganz anders mit einer Reise um die Welt oder in das südliche Sibirien, die s i c h e r reiche Ausbeute in meinem Fache geben. Darum bitte ich Euer Excellenz inständig, wenn neue Reisepläne in Vorschlag kommen, sich meiner zu erinnern, und es mir zu verzeihen, wenn ich dieses Mal nicht einshlage. Sie bewahren sich eine ergebene

Seele und ich rechne mich nach einer Gelegenheit, die es mir möglich macht im Vaterlande zu ankern. Vielleicht entschliesst sich Rumanzoff,[1] die Küste des Weissen Meeres bereisen zu lassen. Dann hoffe ich ein Paar Tage bei dem vielgereisten Ulysses in Ass zubringen zu können. Bis dahin und nachher mit der vollkommensten Hochachtung

Euer Excellenz
ergebenster
Dr. Baer Prof. extraord.

Königsberg d. 23/11 d. Jan. 1820.

Перевод:

Ваше Превосходительство,

Бесконечно обязан Вам за добрую память, которую Вы обо мне сохранили. Перед тем как ответить на Ваш вопрос, позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за те часы, которые я провел у Вас в Ассе. Вы не можете себе представить, какое благодетельное впечатление Вы на меня произвели, и с каким удовольствием я снова о Вас вспоминаю.

Найти в глубине нашей дорогой Эстляндии человека, живущего всецело для науки, было так радостно и необычно, что мне это кажется почти романичным.

В то время как Вы интересуетесь морем и его берегами, меня интересует то, что проявляет жизнь и ею пользуется в море и на его берегах.

Вот почему (разрешите мне это выражение) я чувствую себя родственным Вам, и Ваше предложение прозвучало для меня, как радостный призыв из знакомой страны.

---

[1] Румянцев, граф Николай Петрович (1754—1828), русский историк, крупнейший культурный деятель своего времени. Ценнейшие материалы по русской истории, собранные Н. П. Румянцевым, дали начало основанному им Румянцевскому Музею, его, по выражению Шлецера, „бессмертному памятнику". На свои личные средства Н. П. Румянцев напечатал капитальное и роскошное для своего времени „Собрание государственных грамот и договоров", доныне сохраняющее для историков значение первоклассного источника.

Сгруппировавшийся вокруг Румянцева кружок выдающихся ученых положил подлинное основание русской научной археографии.

Интересуясь помимо истории также и географией, в частности вопросом об открытии морского прохода на севере из Атлантического океана в Ледовитый океан и на юге из Южного океана в Атлантический, Н. П. Румянцев снарядил на свои средства корабль „Рюрик" совершивший замечательное для того времени плавание под начальством Коцебу, при участии натуралиста Шамиссо. Это путешествие очевидно и заставило Бэра, мечтавшего об экспедиции на север, упомянуть в своем письме о Румянцеве.

Но когда я взвешиваю условия предлагаемого путешествия, то я чувствую себя принужденным побороть свою жажду путешествий. Как пишет Энгельгардт, Врангель полагает, что ему придется быть три года в отлучке. Это хороший промежуток времени, и жертва им возлагает соответствующие обязательства. Суша крайнего севера дает очень мало зоологической добычи — море, правда, больше, даже, вероятно, весьма много. Меня чрезвычайно интересует ближайшее, особенно анатомическое, изучение китообразных. Но для этого надо непременно располагать механическими вспомогательными средствами посторонних рук. Указанного как раз не обещает эта экспедиция. Далее нужно быть уверенным в том, чтобы данные начальствующим офицерам инструкции не сделали бы невозможными какие бы то ни было исследования зоологического характера. Относительно же этого я еще ничего не знаю. А что там наверху не найдется много растений, это менее всего меня тревожит. Я ведь мало придаю значения сухому сену, привозимому путешественниками в гербариях.

Меньшей величины животные Ледовитого океана и несомненно интересные следы ископаемых животных, которые должна дать Новая Сибирь, заставляют меня без колебаний согласиться на то, чтобы принять участие в одногодичном путешествии в эти области, но на три года я с трудом получил бы отпуск и я сделал бы слишком смелый шаг, если бы из-за этого путешествия потерял здешнее место. Совсем иначе дело обстоит с экспедицией примерно из Архангельска на Новую Землю, которую можно было бы закончить в ¾ года, и на которую я наверно получу отпуск; совсем иначе с путешествием вокруг света или в южную Сибирь, которые наверняка дали бы богатую добычу для моей науки. Поэтому я убедительнейше прошу Ваше Превосходительство в случае, если возникнут новые планы путешествий, вспомнить обо мне и простить меня, если я на этот раз не соглашусь. Вы сохраняете в моем лице преданную Вам душу, и я рассчитываю на случай, который мне даст возможность бросить якорь в своем отечестве. Может быть Румянцев примет решение организовать экспедицию для объезда берегов Белого моря. В таком случае я надеюсь получить возможность провести пару дней в Ассе у многостранствовавшего Улисса. До сего времени и в дальнейшем с совершенным почтением

Вашему Превосходительству всепреданнейший
Д-р Бэр, экстраорд. проф.

Кенигсберг, 23/11 янв. 1820.

II

Следующие, хранящиеся в архиве Конференции Академии Наук, письма Бэра относятся уже ко второму петербургскому периоду жизни Бэра (1834 — 1867 годы).

Первым из них по времени, судя по содержанию, надо считать, повидимому, письмо без даты относительно квартиры Бэра.

Квартирный вопрос в Петербурге испортил много крови Бэру, взял у него много времени и доставил ему много мелочных неприятностей и забот.

К первому приезду Бэра в декабре 1828 года, Академия заблаговременно позаботилась не только о том, чтобы отвести ему казенную квартиру в академическом доме, но и о том, чтобы привести ее в порядок.[1] Но ко вторичному прибытию Бэра в Петербург в 1834 году, казенной квартиры в зданиях Академии ему уже не нашлось. Вследствие этого Бэру взамен квартиры были ассигнованы квартирные деньги,[2] и Бэру с семьей пришлось поселиться по предложению Крузенштерна, в то время директора Морского Корпуса, в сданном ему в наем доме, принадлежавшем Корпусу, на 12-й линии Васильевского Острова.

Очевидно, к началу 1835 года и относится приводимое ниже письмо Бэра, сообщающего Крузенштерну о результатах осмотра предоставляемого ему дома и обсуждающего условия его найма.

Sr Excellenz dem Herrn Admirale
von Krusenstern

Hochgeehrter Herr Admiral,

Gestern habe ich meine Frau erst nach Mittag in Bewegung bringen können. Es wurde dadurch so spät, als wir in die hiesige Gegend kamen, dass ich Euer Excellenz und die Bewohnern des Hauses gegenüber nicht stören zu dürfen glaubte.

Heute haben wir das Haus mit Musse besehen und wünschen es zu miethen unter der Bedingung dass es, wie Euer Excellenz schon versprochen, ausgemalt werde und dass es für 1400 Rbl. jährlich, für welche Summe Euer Excellenz im ersten Jahre geben wollten, auch künftig bleibe.

Ich kann dabei den Wunsch nicht unterdrücken, dass wir, so bald als es die Umstände erlauben, einziehen können, wozu denn gehört, dass so bald die Familie, welche das Haus jetzt bewohnt, ausgezogen ist, die nöthigen Arbeiten vorgenommen werden.

---

[1] В протоколе Конференции от 29 октября 1828 года говорится о необходимости произвести в предоставляемой Бэру квартире „quelques réparations, pour la rendre habitable“ (протоколы Конференции велись в то время на французском языке).

[2] Протокол Конференции от 11 апреля 1834 года — „jusqu'à l'ouverture d'un logement convenable un loyer de 1.500 R.“.

Библиотека Ленинградского Университета

Перевод:

Его Превосходительству Господину Адмиралу
фон Крузенштерну.

Глубокоуважаемый Господин Адмирал,

Вчера я мог привести в движение мою жену только после полудня. Поэтому, когда мы попали в Ваши края, было уже настолько поздно, что мы не сочли возможным беспокоить Ваше Превосходительство и жителей противоположного дома.

Сегодня мы осмотрели, не торопясь, дом и хотели бы его нанять при условии, что он будет, как Ваше Превосходительство обещали, выкрашен, и что в будущем цена его останется 1.400 руб. в год, за каковую сумму Ваше Превосходительство хотели его отдать в первом году.

Я не могу при этом скрыть желания получить возможность въехать в него, как только позволят обстоятельства, для чего необходимо, чтобы нужные работы были предприняты, как только выедет семья, обитающая в доме сейчас.

В дальнейшем Бэр указывает, какой ремонт в квартире, с его точки зрения, должен быть сделан, и в заключение просит поручить сторожу дома держать окна постоянно открытыми, так как комнаты, выходящие на восточную сторону, еще ужасно сыры. В этой-то квартире с сырыми комнатами восточной стороны Бэр прожил более 6 лет. Отсюда он ежедневно отправлялся в Академию. Трата времени и сил на эти ежедневные прогулки на службу очень тяготили Бэра.

„Ein grosses Unrecht habe ich darin begangen“, пишет он в своем „Erklärung in Bezug auf die Wohnung des akad. Baer“, поданном Академии 19 мая 1840 года, „dass ich nicht gleich bei meiner Ankunft hierselbst dringend auf eine Wohnung in dem akademischen Gebäude angetragen habe — ein Unrecht gegen die Akademie und mich selbst, da ich dadurch fast ganz an grösseren zootomischen Untersuchungen, bei denen man nichts leistet, wenn man nicht den ganzen Tag bei ihnen aushält, abgehalten bin“.

Перевод:

„Большую несправедливость совершил я, не настояв сейчас же по моем приезде на предоставлении мне квартиры в академическом доме, несправедливость и в отношении Академии, и самого себя. Вследствие этого я совершенно лишен возможности производить более значительные зоотомические исследования, которые только тогда дают что-нибудь, когда ими занимаешься целый день“.

Много важных событий в жизни как Бэра, так и Крузенштерна связано с пребыванием Бэра на территории Морского Корпуса, по соседству с адмиралом.

Отсюда Бэр уехал, напутствуемый Крузенштерном, 7 июня 1837 года на Новую Землю. Сюда он в сентябре того же года, после четырехмесячного отсутствия, снова вернулся с Новой Земли. Здесь он обрабатывал ново-земельские материалы, писал для Академии отзыв о сочинении Крузенштерна, заслужившем адмиралу Демидовскую премию. Отсюда Бэр уехал с 16-летним сыном Карлом в трехнедельную экскурсию в Финский залив, здесь подготовлял он в том же году празднование 50-летнего служебного юбилея Крузенштерна. Из этой же квартиры он отправился во второе свое путешествие на север с А. Ф. Миддендорфом летом 1840 года.

В сентябре того же года Бэр должен был, к большому его удовольствию, покинуть далекую от Академии „вольную" квартиру. Ему освобождалась в „главном доме" Академии казенная квартира, из которой должен был выехать оставлявший службу престарелый и влиятельный академик Паррот, известный „в ученом свете по части физики и прикладной механики".[1] Квартира должна была отойти именно Бэру „по тому особому уважению, что на основании самого устава Академии (§ 112) г. Бэр по званию академика по части зоологии и библиотекаря имеет ближайшее право на казенную квартиру вблизи зоологического музея и библиотеки".[2]

Бэр сообщил об этом Крузенштерну и собрал все свои вещи для переезда. Крузенштерн со своей стороны сделал все зависящие распоряжения и, между прочим, произвел в связи с освобождением этой квартиры „полную транслокацию" жилых помещений в Морском Корпусе, назначив квартиру Бэра другому лицу.

Однако, Паррот в отставку, правда, вышел,[3] но из квартиры к сроку не выехал. Он выразил „желание и по получении им

---

[1] Протокол Конференции от 4 декабря 1840 года. Архив Конференции АН.

[2] Отношение непременного секретаря в Комитет Правления Академии Наук от 2 сентября 1840 года за № 1035. Архив Конференции АН.

[3] „Государь император 29 сего ноября изъявил высочайшее соизволение на увольнение сего чиновника вовсе от службы с производством ему не в пример другим в добавок к получаемой им пенсии по званию заслуженного профессора... еще трех пятых долей настоящего жалованья".

увольнения, остаться в занимаемой им квартире до исхода текущего года, на каковое желание и г. министр народного просвещения, по докладе его высокопревосходительству, изволил согласиться".[1]

Естественно, что и Бэр, и Крузенштерн таким неожиданным поворотом дела были поставлены в весьма неловкое положение. В оставляемой Бэром квартире начали уже ремонт для будущих жильцов, а он со своей семьей среди упакованных ящиков и корзин „ждал у моря погоды". Дело усложнялось еще тем, что Бэру в эти дни было совсем не до домашних неприятностей. Он со дня на день должен был уехать вместе с А. Ф. Миддендорфом в „ученое путешествие к берегам Ледовитого моря".

Бэр крайне волновался. 21 мая 1840 года он пишет в Правление Академии:

„Die Besorgniss nach meiner Rückkehr aus dem Norden keine Wohnung vorzufinden lässt mir keine Ruhe... sollte... die Wohnung des Akademikers Parrot nicht eingeräumt werden können, so bitte ich das Verwaltung-Commite für mich eine andere Wohnung miethen und einrichten zu lassen, wo möglich in der Nähe der Sammlungen, da ich im Eismeere keine Gelegenheit habe, nach Wohnungen zu suchen".

Перевод:

„Мысль, что я не найду после моего приезда с севера квартиры, не дает мне покоя... если... квартира академика Паррота не может быть освобождена, то я прошу Комитет Правления нанять и устроить мне другое помещение, по возможности вблизи коллекций, так как в Ледовитом океане я не буду иметь возможности заниматься подысканием квартир".

Непременный секретарь П. Н. Фус прилагал все усилия, чтобы уладить это дело: „...а как тогда уже", пишет он после отъезда Бэра Комитету Правления,[2] „среди приготовлений к продолжительному и опасному ученому путешествию, г. Бэр не имел возможности заботиться о приискании для семейства своего приличной квартиры, то я счел обязанностью успокоить его обещанием, в свое время принять на себя попечение о сем

---

[1] Отношение непременного секретаря в Комитет Правления Академии Наук от 2 сентября 1840 года за № 1035. Архив Конференции АН.

[2] Ibidem.

и удостоверить его, что сама Академия распорядится облегчением всячески семейству его хлопот приискания и найма временной квартиры и переезда на оную, уверен будучи, что Комитет признает таковое внимание к одному из отличнейших членов Академии в такое время, когда он, из любви к науке, жертвует самим собой, основательным и приличным. Ныне по случаю приближения срока к выезду семейства г. Бэра из дома Морского Корпуса, честь имею доложить Комитету, что я приискал для него удобную квартиру на Васильевском Острове на первой линии в доме Шарапова за 2000 рублей асс. на восемь месяцев. Необходимость приобщить г. Бэра по возможности к центру занятий его и затруднение, встреченное у домохозяев при найме квартиры на короткое время, достаточно объясняет значительность сей цены. Но так как расход сей единовременный и оправдывается обстоятельствами, то я покорнейшу прошу Комитет Правления разрешить наем сей квартиры и предписать экзекутору об оказании семейству г. Бэра всевозможного пособия при переезде на оную".

Комитет Правления согласился на это предложение.

Мы не могли выяснить, переезжал ли Бэр в дом купца Шарапова на несколько месяцев, но зато нам хорошо известно, что не только к 1 января следующего года, но и в феврале Бэр еще в казенную квартиру не попал.[1] Надо полагать, однако, что все-таки в том же 1841 году Бэру удалось получить ее. К этому времени Бэр, оставаясь академиком, взял на себя обязанности ординарного профессора сравнительной анатомии и физиологии Медико-Хирургической Академии, и, по свидетельству внучки Бэра А. К. Линген, дед ее уже из казенной квартиры ездил по Неве на лодке на Выборгскую сторону, чтобы читать студентам-медикам по-латыни свои лекции.

---

[1] Об этом свидетельствует следующая выписка от 11 февраля 1841 года из протокола Конференции от 29 января 1841 года: „Г. академик Бэр, имея крайнюю надобность в отдельном помещении для своих анатомических занятий, донес Конференции, что ныне опросталась для сего весьма удобная квартира в отдельном флигеле, находящемся на дворе главного здания Академии близ Биржи, а следовательно и в самой близости квартиры г. Бэра, которую он имеет занять в непродолжительном времени (доныне г. Паррота)". Архив Конференции АН.

III

Третье письмо к Крузенштерну от 26 мая 1836 года касается личности, живо интересовавшей Бэра и долгое время бывшей для него крайне загадочной.

Еще в Германии, в 1817 году, Бэр ознакомился с одной диссертацией, написанной в 1808 году графом Тредерном из Эстляндии по вопросу, над которым работал и Бэр, а именно — о развитии куриного яйца. Исследование это поразило Бэра как эрудицией автора, так и добросовестностью произведенных им наблюдений, фамилия же автора привела Бэра в недоумение. Бэр, сам коренной эстляндец, никогда не слыхал у себя на родине такого титулованного имени. Все справки, которые он наводил относительно Тредерна у разных лиц в Эстляндии, ни к чему не привели. Тогда Бэр напечатал в остзейском журнале „Das Inland“[1] заметку с просьбой к эстляндскому обществу помочь ему в отыскании следов талантливого автора эмбриологического труда. В ней он, между прочим, высказывает свое полное недоумение по поводу неуспеха своих энергичных розысков.

„Wie konnte in dem kleinen Esthland, wo sich fast alle Gebildeten persöhnlich kennen, eine Familie in so kurzer Zeit spurlos verschwunden sein? Insbesondere liegen doch die Grafen nicht so dicht zusammengedrängt, dass man nach 25 Jahren nicht einmal die Erinnerung an eine gräfliche Familie haben sollte! Eine andere Esthonia giebt es doch nicht, und die Bezeichnung Estonia-Rossus weist nur zu bestimmt auf die Küste des Finnischen Meerbusens“.

Перевод:

„Как могла в маленькой Эстляндии, где почти все образованные люди друг друга лично знают, бесследно пропасть фамилия в такой краткий срок [1808 — 1836]. Ведь не покоятся же так тесно друг возле друга графы, чтобы по прошествии 25 лет не осталось от графской фамилии даже воспоминания! Другой Эстонии не существует, а обозначение Estonia-Rossus указывает слишком определенно на берега Финского залива“.

---

[1] Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv, Esth- und Curländische Geschichte, Geographie, Statistik und Literatur. 8 April 1836, № 15, p. 254

Обращение это дало некоторые результаты. В письме к Крузенштерну, к которому Бэр через месяц после этой заметки обращается с аналогичной просьбой, уже сообщаются кое-какие сведения о Тредернах. Бэр пишет:

Hochgeherter Herr Viceadmiral,

Euer Excellenz werden es gewiss nicht ungütig nehmen, wenn ich in einer literarischen Nachforschung Ihr Interesse für wissenschaftlige Untersuchungen in Anspruch nehme und um Ihre gütige Hülfe bitte.

Es erschien in Jena im Jahr 1808 eine Dissertation, deren Verfasser sich einen Grafen von Tredern aus Esthland nannte. Diese Dissertation ist in doppelter Hinsicht interessant, theils wegen des Inhaltes theils wegen des Verfassers, der ein eminentes Talent für feine anatomische Untersuchungen nachweist, von dessen Lebenschicksalen aber durchaus nichts weiter bekannt ist, als dass er wirklich existirt hat und die Schrift nicht etwa erst später gedruckt ist. Um nicht unnötig zu wiederholen, was ich schon in der Zeitung „Das Inland“ genannt, gesagt habe, bin ich zu frei einen Abdruck jenes Aufsatzes hier beizulegen. Euer Excellenz werden aus denselben ersehen, weshalb der Graf von Tredern für Naturforscher unbekannt ist und dass ich öffentlich nach ihm und seine Familie Nachfrage gehalten habe.

In Folge dieser Nachfrage kann ich jetzt als gewiss betrachten, dass niemals eine Familie von Tredern in Estland ansässig gewesen ist. Dagegen hat man mir angezeigt, dass vor sehr vielen Jahren auf der Abtheilung der Russisch-Kaiserlichen Flotte, welche damals in Reval stand, der Offizier mit Namen Tredern gedient haben soll.

Ob er Graf war, weiss man nicht anzugeben. Jedenfalls aber wird es jetzt warscheinlich, dass der Verfasser der Dissertation sich einen Esthländer nennt, weil er in Esthland während eines kurzen Aufenthaltes seinen Eltern geboren ist.

Euer Excellenz wird es durch Ihre amtliche Stellung leicht sein, in den Registern oder Archiven der Russisch-Kaiserlichen Marine nachschlagen zu lassen,

1) ob ein Offizier mit Namen Tredern auf derselben gedient und einige Zeit in Reval gestanden hat,

2) ob demselben daselbst ein Sohn geboren ist und wie dieser hiess.

Euer Excellenz diese meine Bitte ganz gehorsamst vorlegend habe ich die Ehre mich zu zeichnen als Euer Excellenz ganz gehorsamster Collega v. Baer.

Mitglied der Akademie der Wissenschafft.

St. Petersburg
26 Mai 1836.

Перевод:

Глубокоуважаемый Господин Вице-Адмирал.

Ваше Превосходительство, конечно, не отнесетесь недоброжелательно, к тому, что я Вас обеспокою в интересах одного литературного исследования и буду просить Вас о доброй помощи.

В 1808 году в Иене появилась диссертация, автор которой назвал себя графом фон Тредерн из Эстляндии. Эта диссертация интересна в двух отношениях: частью по содержанию, частью из-за автора, проявившего выдающийся талант к тонким анатомическим изысканиям, но о жизненных судьбах которого ровно ничего в дальнейшем неизвестно, кроме того, что он действительно существовал, и что работа его была напечатана не позже (?). Чтобы бесполезно не повторять того, что я уже сказал в журнале, называемом „Das Inland", я позволю себе смелость приложить здесь оттиск той статьи. Ваше Превосходительство усмотрите из нее, почему граф фон Тредерн неизвестен естествоиспытателям, и что я открыто произвел поиски его и его семьи.

В результате этих поисков я могу с уверенностью полагать, что природной эстляндской фамилии фон Тредерн никогда не существовало. Но мне указали, что много лет тому назад в отряде Российского Императорского Флота, стоявшего тогда в Ревеле, служил офицер по имени Тредерн.

Был ли он графом, мне не могут сообщить. Во всяком случае теперь становится правдоподобным, что автор диссертации называет себя эстляндцем потому, что он родился в Эстляндии во время краткого пребывания там его родителей.

Вашему Превосходительству будет легко, благодаря Вашему служебному положению, распорядиться навести справки в списках или архивах Российского Императорского Флота о том,

1) служил ли в нем офицер по имени Тредерн, и стоял ли он некоторое время в Ревеле,

2) родился ли у него там сын, и как его звали.

Всепокорнейше препровождая Вам эту мою просьбу, имею честь подписаться Вашему Превосходительству всепреданнейшим коллегой

член Академии Наук ф. Бэр.

С.-Петербург
26 мая 1836.

Нам неизвестно, получил ли Бэр от Крузенштерна просимые сведения. Во всяком случае, повидимому, некоторые шаги Крузенштерном в этом направлении были сделаны. Вероятно, по распоряжению директора Корпуса были просмотрены списки кадетов за соответствующие годы.[1]

Неудачи эти не обескуражили Бэра. Он снова помещает через месяц заметку в том же журнале „Das Inland“,[2] выступая теперь с целым проектом организации поисков следов Тредерна.

К этому времени Бэр уже узнал о существовании какого-то коллежского советника Тредерна, жителя Москвы и двух братьев Тредернов, офицеров полка, стоявшего в 1830 году в Везенберге. Сообщали ему еще и другие подобные же данные, наводившие его только на ложный след. И вот случай помог. Бэр, будучи в гостях в большом обществе, настойчиво опрашивал всех присутствовавших, не знают ли они чего-нибудь о Тредернах. При этом один раз он ошибся в произношении этой фамилии, которое он усвоил еще в Германии, а именно сказал вместо „Тре́дерн“ — „Треде́рн“, с ударением на последнем слоге, после чего немедленно получил следующий ответ от одной дамы, дочери академика Шторха: „Граф Треде́рн был известен в доме банкира Ралля. Вы можете узнать о нем у вдовы банкира, живущей на Васильевском острове в доме такого-то“.

С этого момента счастье повернулось к упорному биографу Тредерна. Путем многочисленнейших и разнообразнейших расследований, о которых Бэр подробно рассказывает в только что упомянутой статье, он устанавливает все главнейшие моменты жизни автора заинтересовавшей его диссертации.

Louis-Sébastien-Marie de Trédern оказался не немцем, а французом. Отец его, морской офицер французской службы, эмигрировал в Петербург в царствование Павла и получил, как

---

[1] Об этом говорит Бэр в статье „Biographische Nachrichten über den Embryologen Grafen Ludvig Sebastian Tredern“, (Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, 1874, t. IX, p. 70): „в списках Морского Корпуса, просмотренных по моему желанию, данное имя не встречается“ (перевод с немецкого).

[2] От 24 июня 1836 года.

предполагал Бэр, от последнего графский титул.[1] Сын его, автор диссертации, учился, повидимому, в Петербурге в пансионе аббата Николля, в котором отец Тредерна преподавал математику. Став в свою очередь морским офицером, но уже русской службы, Луи Тредерн ходил в Ревель со своим кораблем, на котором он начал исследования по развитию куриного яйца. Впоследствии Тредерн уехал в Германию учиться медицине и там написал диссертацию эмбриологического характера. На этом не закончилась его научная деятельность. Переехав во времена Наполеона в Париж, он пишет там свою вторую научную работу, на этот раз специально медицинского характера. Наконец, в качестве французского морского врача он уезжает в Гваделупу, там основывает госпиталь и умирает холостым.

Во всей этой истории с Тредерном ярко сказывается характерная для Бэра черта — его преданность не только науке, но и научным работникам. Для блага их и в их защиту он готов итти на всякое самопожертвование, проявляя удивительную способность „уйти от самого себя".

Это ведь не единственный случай, когда он тратит бесконечное количество времени и сил, чтобы воздать должное по заслугам талантливому естествоиспытателю, канувшему в Лету забвения. Как Тредерна в биографическом отношении, Бэр расшифровал в научном отношении великого Вольфа.[2] Мы знаем, что только благодаря самоотверженной энергии Бэра увидело свет творение Палласа „Zoographia Rossa-Asiatica".

Ряд других поступков Бэра красноречиво свидетельствует о той же благородной черте его характера.

---

[1] Проф. Л. Штида, также как и заведующий Гербовым Музеем В. К. Лукомский, утверждают, что эмбриолог Тредерн не был графом. См. Ludwig Stieda. Der Embryologe Sebastian Graf von Tredern und seine Abhandlung über das Hühnerei. Anatomische Hefte. Beiträge u. Referate z. Anatomie u. Entwickelungsgeschichte. I Abth. LVIII Heft (XVI Bd. Hft. 1), 1901.

[2] Подобно диссертации Тредерна, диссертация берлинского врача Каспара-Фридриха Вольфа, впоследствии петербургского академика, прошла почти незамеченной. В 1812 году Мекель ее переоткрыл, переведя на немецкий язык. Но в полной мере знаменитая „Theoria generationis" была оценена учеными только благодаря Бэру. Пять раз перечел он эту перегруженную ненужными частностями, чрезвычайно трудно читаемую и понимаемую работу Вольфа и только тогда съумел кратко и ясно формулировать для всего научного мира основные тезисы Вольфа, положившие начало теории эпигенеза.

Смело выступает он в защиту Пирогова от несправедливых нападок печати,[1] собирает средства и снабжает своими деньгами приехавшего в Россию для занятий сравнительным языкознанием молодого венгерского ученого Регули, чтобы дать ему возможность закончить свои научные исследования на Урале.

„Die Summe war nicht gross", пишет Бэр в своей автобиографии, „doch weiss ich sie nicht anzugeben, da man hier über dergleichen nicht Buch zu führen pflegt. Sie war aber ausreichend, um mit ihr bis zu den Wogulen zu kommen und einige Zeit bei ihnen zu verweilen".[2]

Перевод:

„Сумма была невелика, но я не могу сказать, какова она была, потому что в подобных делах здесь счетов не ведут. Она была однако же достаточна, чтобы доехать до вогулов и пробыть среди них несколько времени".

Целый день тратит в разъездах по городу уже пожилой пятидесятилетний ученый, чтобы притти на помощь неизвестно на какой улице живущему тяжело больному Регули. И Бэр с помощью извощика, возившего его несколько часов по городу, находит больного научного сподвижника и сердится на извощика за то, что тот, увидя в каком положении находится разысканный человек, не берет от Бэра денег за потраченное время и труд.[3]

IV

В том же 1836 году в академических кругах, при ближайшем участии Бэра, поднялся вопрос о присуждении Крузенштерну Демидовской премии „без притязательства автора" за сочинение его „Дополнение к изданным в 1826 и 1827 годах объяснениям послужившим для составления атласа Южного Моря. СПб., 1836". Было предположено поручить Ф. П. Литке дать отзыв об этом сочинении. Последний, однако, ознакомившись с ним, был „остановлен одним обстоятельством",[4] относительно которого он просил у П. Н. Фуса его мнения. „Атлас

---

[1] Der Ehrenhaftigkeit ihr Recht. St.-Petersburger Zeitung, 1848, № 68.

[2] Nachrichten über Leben und Schriften des H. Geheimrathes Dr K. E. v. Baer. Mitgeteilt von ihm selbst. St. Petersburg, 1864, p. 654.

[3] Ibidem, p. 655.

[4] Письмо Ф. П. Литке П. Н. Фусу от 26 ноября 1836 года. Архив Конференции АН.

Южного Моря“ пишет он непременному секретарю Академии „и два большие тома 4°, принадлежащих к нему *Разборов и Изъяснений* вышли в свет уже более десяти лет тому назад. В нынешнем же году издана небольшая книга *поправок и дополнений* к прежнему тексту... сама она, взятая отдельно, не составляет самостоятельного сочинения и не может быть рассматриваема в особенности. Из этого рождаются два вопроса: 1) издаваемые к *старому* сочинению пополнения дают ли ему право считаться *новым?* Если нет, то 2) имеет ли сочинение, изданное гораздо прежде учреждения Демидовских премий, какое-нибудь право на эти премии?...“.

На что П. Н. Фусс 11 декабря того же года отвечал: „Если Вы по совести можете объявить Академии, что вновь изданное дополнение требовало значительных трудов и постоянных усилий со стороны издателя, что оно, хотя и не может считаться самостоятельным сочинением, однако доводит прежний труд автора до новейших времен и соделывает чрез то как бы новым совершеннейшим пособием для мореходства, то я не сомневаюсь в готовности Академии увенчать его Демидовской премией. Впрочем я сужу о сем деле, как слепой о цветах, и должен совершенно предоставить Вам обсудить, в какой мере труд Г-на Крузенштерна заслуживает внимания и похвалы знатоков сего дела, и какими доводами Вы заблагорассудите подкрепить Ваш о нем отзыв...“.[1]

Через шесть дней Ф. П. Литке в свою очередь ответил П. Н. Фусу решительным отказом дать просимый отзыв. „Совершенный недостаток досуга“, пишет он П. Н. Фусу 17 декабря, „ежеминутные отвлечения и пуще всего голова, наполненная тысячью разнородных забот, к крайнему моему сожалению поставляют меня в совершенную невозможность, не рискуя осрамиться, исполнить работы, за которые взяться побудило меня желание доказать мое усердие особам мною уважаемым... С первого взгляда показалось мне это дело возможным: я не подумал об обширности сочинения, которое придется обсуживать, и о том еще, что для меня, уже несколько лет не занимавшегося гидрографической частью, дело это будет еще труднее; иначе ответ мой, в самую первую минуту был бы, по совести, отрицательным...“.[1]

---

[1] Архив Конференции АН.

10 февраля следующего года академики Фус, Бэр и Купфер в пространном докладе Конференции Академии, написанном в немецком оригинале рукой Бэра,[1] обращаются к ней с официальным предложением включить „Дополнение“ Крузенштерна в Демидовский конкурс.

„Что этот труд является в виде дополнения, это, отнюдь, не должно лишать его права на состязательство“, говорится в докладе, „потому что он не составляет какое-либо случайное постороннее прибавление, а был обещан уже при издании первого тома записок, и так может почесться как бы окончанием творения, служащего критическим пополнением атласа южного океана, и следственно вводит в конкурс и весь прежний главный труд; и как самый атлас есть только плод путешествия вокруг света знаменитого автора, изданный им для дальнейшего пояснения приложенной к русскому описанию сего плавания карты, то едва ли какой-нибудь другой предмет Демидовского конкурса может принести столько чести России, как именно это произведение.

„Вспомним, что кроме бессмертных героев отечественного флота ни один русский моряк не возбуждал в такой степени участия образованной Европы, как тот, который первый с русским флагом объехал свет...

„Вспомним далее, что это был именно адмирал Крузенштерн, по предложению которого предпринято было сие первое кругосветное путешествие русских для снабжения наших колоний в Америке необходимыми потребностями; что за этим путешествием последовали многие другие с тою же самой целью, а сверх того некоторые и в чисто ученом отношении; что наука обязана сим экспедициям многоразличными обогащениями... Вспомним, наконец, что моряку единоземцу принадлежит честь составления первого подробного атласа Южного Моря...

„Сверх того о достоинстве прежних записок и атласов уже отозвалось в Европе столько полновесных и вовсе беспристрастных голосов, что излишне было бы подвергать их новому исследованию.

---

[1] Русский перевод с изменениями и дополнениями см. Отчет о шестом присуждении премий, учрежденных двора е. и. в. камергером А. Н. Демидовым. СПб., 1837.

„Мы только напоминаем здесь о суждении мореплавателя д'Юрвиля, который, по его собственным изысканиям в Южном Море и обширному изучению истории прежних путешествий, может почесться едва ли не первым судьей по этой части в свете. „Сия экспедиция“ — говорит он о плавании нашего соотечественника — „послужила первым поводом к тем превосходным запискам, которые г. Крузенштерн издал потом об Океании“; и еще недавно английский капитан Фиц-Рой, совершивший в 1835 и 1836 годах путешествие для открытий в Южном Море, на кораблях Adventure и Beagle, отозвался, что во время плавания его по опасному архипелагу Южного Моря, Крузенштерновы карты и записки были единственным для него руководством, приносившим ему существенную пользу“.[1]

Последние слова доклада не могут не взволновать в наше время каждого, не только натуралиста, но и вообще образованного человека. Ведь Бэр, со слов капитана Фиц-Роя, восхваляет здесь Крузенштерна за те „многотрудные, чрезвычайной рачительности изыскания“, которые обеспечили благополучное плавание в опасном архипелаге не кому другому, как Дарвину, находившемуся в этой экспедиции на упоминаемом Бэром корабле „Beagle“.

Дарвин рассказывает в своем „Путешествии вокруг света“,[2] что в этих местах „все неодушевленные проявления сил природы, утесы, льды, снег, ветер и вода“ соединились вместе для борьбы против их корабля, и, как знать, не будь у капитана Фриц-Роя превосходных и подробных „Крузенштерновых“ карт, путешествие Дарвина могло бы закончиться очень печально, может быть даже роковым для будущей науки образом.

Конференция Академии согласилась с предложением трех академиков включить в Демидовский конкурс сочинение Крузенштерна „Дополнение...“ и поручила непременному секретарю пригласить „одного из членов Академии из числа сведущих по этой части“ изучить труд Крузенштерна и дать о нем отзыв.[3]

---

[1] Архив Конференции АН.

[2] Сочинения Чарльза Дарвина, т. I, ч. 1. Путешествие вокруг света на корабле „Бигль“. Пер. Е. Бекетовой, под ред. А. Н. Бекетова. Изд. О. Н. Поповой. СПб., 1896, стр. 149.

[3] „La Conférence ayant approuvé cette proposition, le secrétaire fut chargé d'inviter l'un quelconque des membres de l'Académie, compétents dans cette

П. Н. Фус при посредстве Бэра обратился к члену-корреспонденту Академии Ф. П. Врангелю. О результатах своих переговоров с Врангелем Бэр сообщил Фусу конфиденциальным письмом.[1] Оно написано столь неразборчиво, что в нем иногда можно понять только отдельные отрывки фраз. Бэр пишет, что вчера он говорил с адмиралом Врангелем, и тот согласился дать отзыв, но просит не называть его официальным референтом. По сведениям, полученным им от А. С. Грейга,[2] Крузенштерну будет неприятно подвергаться оценке со стороны молодого человека,[3] к тому же еще его ученика. Поэтому Врангель чувствует себя стесненным выступать публично и предлагает просить об официальном отзыве Грейга: „Может быть еще не ушло время изучить Грейгу это сочинение", спрашивает Бэр П. Н. Фуса. Заканчивается письмо Бэра следующими словами: „Официально письма Врангелю, мне кажется, уже больше посылать не следует, и я думаю, что дело теперь пойдет совсем хорошо". 28 февраля Бэр пишет второе письмо П. Н. Фусу. Оказывается, что у Бэра был с визитом Ф. П. Врангель, привезший ему свой, написанный 26 февраля, весьма подробный и благожелательный отзыв о работе Крузенштерна с послесловием Ф. П. Литке, в котором последний вполне соглашается с отзывом Ф. П. Врангеля. 8 марта поступает непременному секретарю письмо на французском языке от А. С. Грейга, в котором он сообщает о своем согласии дать отзыв о сочинении Крузенштерна до апреля месяца.

В „Отчете о шестом присуждении премий учрежденных... П. Н. Демидовым" от 17 апреля 1837 года в отношении сочинения Крузенштерна значится:

„Академия обратилась к ученому своему почетному члену адмиралу А. С. Грейгу и члену-корреспонденту контр-адмиралу Ф. П. Врангелю с просьбой обозреть ближе сие творение... К ним", говорится дальше в отчете, „по собственному

---

partie, à l'examiner et à lui en rendre compte". 10 февраля 1837 года. Архив Конференции АН.

[1] Архив Конференции АН.

[2] Алексей Самуилович Грейг, адмирал (1775 — 1845).

[3] Врангелю, в это время контр-адмиралу, шел 42-й год, Крузенштерну же было 67 лет.

добровольному усердию присоединился и контр-адмирал Ф. П. Литке".

На основании их отзывов „Гидрографические труды г. Крузенштерна о южном море признаны от Академии достойными полной Де мидовской премии" (5.000 рублей).

Однако, Крузенштерн от премии этой отказался в пользу других авторов.[1]

V

Через месяц после отказа Крузенштерна от Демидовской премии Бэр уехал на Новую Землю. За 9 дней до отъезда он пишет Крузенштерну благодарственное письмо за присланные припасы. Письмо это свидетельствует не только о близком участии Крузенштерна в сборах Бэра на далекий север, но и о том, как ценил Бер заботы о нем маститого мореплавателя.

22 Mai 1837.

Euer Excellenz,

sage ich den allerverbindlichsten Dank für die übersendeten Lebensbedürfnisse.

Der Ueberbringer weiss mir die Auslage nicht zu nennen.

Ich werde aber auf jeden Fall noch die Ehre haben Abschied zu nehmen und einen Segen den Mannen mitzunehmen, das zuerst die russische Flagge auf das grosse Weltmeer geführt und sie zu einer welthistorischen gemacht hat. Meine Reise wird wie ich fürchte sich noch um ein Paar Tage verzögern.

Mit vollkommenster Hochachtung

Euer Excellenz gehorsamste

Akad. v. Baer.

S. Petersburg d. 22 Mai 1837.

Перевод:

Вашему Превосходительству

приношу я всеобязывающую благодарность за присланные жизненные припасы.

Податель не мог мне назвать содержимого.

---

[1] О чем он сообщил в Академию письмом, заслушанным Конференцией 5 мая 1837 года. Архив Конференции АН.

Во всяком случае я буду еще иметь честь Вам откланяться, чтобы взять с собой напутствие человека, который впервые вывел русский флаг в великий мировой океан и сделал его всемирно-историческим. Мое путешествие, боюсь, задержится еще на пару дней.[1]

С совершенным почтением
Вашему Превосходительству покорнейший
академик ф. Бэр.

С.-Петербург 22 мая 1837.

Через два месяца после возвращения с Новой Земли Бэр закончил статью „Über das Boden-Eis oder das gefrorene Erdreich in Sibirien" („О почвенном льде или мерзлой почве в Сибири"). Работа эта была прислана Бэром 13 декабря 1837 года Крузенштерну, а тот уже переслал ее в Лондон для напечатания в Journal of the Royal Geographical Society of London, где исследование Бэра и было напечатано в 1838 году на английском языке под названием: „On the ground ice or frozen soil of Siberia. By Professor Baer. Communicated by Admiral Krusenstern. Read February 1838" (Vol. VIII, pp. 210—213).

По поводу этой статьи Бэр послал Крузенштерну два письма: одно до напечатания статьи, другое после.

Первое письмо гласит:

Euer Excellenz

habe ich die Ehre beiliegend meine kleinen Spenden für die Geographical Society zu übersenden. Möchte man nun das Manuscript über das Sibirische Boden-Eis leserlich finden.[2] Ich gestehe dass es mir jetzt sauer sein würde, diesen Aufsatz zu copiren, so kurz er auch ist, da ich zum Schlusse des Jahres allerlei Rapporte zu machen habe.

Von meinem dritten Bericht, den Tableau physique[3] habe ich noch keine Separat-Abdrücke erhalten. Der grösste Theil ist auch noch nicht gedruckt. Diesen also später.[4]

---

[1] Бэр выехал на Новую Землю 7 июня 1837 года.

[2] Сам Бэр признает неразборчивость своего почерка.

[3] Дело касается сочинения Бэра: „Vegetation und Klima von Nowaja Semlja". Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersburg, vol. III, pp. 171—172. Это — третья статья из цикла статей, носящих общее название „Tableau physique des contrées visitées".

[4] Очевидно, обещание прислать эту статью Крузенштерну по получении из печати.

Ich hoffe die Geografische Society wird es mir nicht übel deuten wenn ich sie ersuche das eine beiligende Heft an Herrn Forbes[1] in Edinburgh gelegentlich gelangen zu lassen.

Mit einer übergränztester Hochachtung

Euer Excellenz
ganz gehorsamst
Akademiker Baer.

D. 13 Dec. 1837.

Перевод:

Вашему Превосходительству

имею честь приложить препровождаемую мою маленькую лепту для Geographical Society. Только бы нашли удобочитаемым манускрипт о сибирском донном льде. Я сознаюсь, что мне теперь было бы слишком тяжко снимать копию с этой статьи, несмотря на ее краткость, так как мне приходится к концу года писать разные отчеты.

Отдельные оттиски моего третьего сообщения Tableau physique я еще не получил. Наибольшая часть еще и не напечатана. Эту значит впоследствии.

Я надеюсь, что географическое Society не будет на меня в претензии, если я буду просить доставить прилагаемую тетрадь при случае господину Форбсу в Эдинбурге.

С бесконечным уважением
Вашему Превосходительству
всепреданнейший
академик Бэр.

13 дек. 1837.

Прилагаемая к письму рукопись имеет, между прочим, замечательную помарку. В рукописи на немецком языке значится: „Bei Beresow fand Ermann zwar den Boden in einer Tiefe von 23 Fuss Engl. noch +1,60 warm, doch hatte man im Jahr 1821 die von 92 Jahren vergrabene Leiche des verbannten Fürsten Menschtschikow ausgegraben und das umgebende Erdreich fest gefroren, so wie die Leiche selbst ohne Spur von Verwesung gefunden“.

Перевод:

„Правда, около Березова Эрман нашел почву на глубине 23 англ. футов еще нагретой до +1,60, но в 1821 году вырыли похороненный 92 года тому назад труп сосланного князя Меньшикова и окружающая почва была совершенно замерзшей, равно как и сам труп найден был без следов разложения“.

---

[1] Форбс, Джемс-Давид (1809 — 1868) шотландский натуралист, известный исследованиями ледников.

В рукописи слова „сосланного князя Меньшикова“ густо замараны карандашем, и в измененной редакции фраза значится следующим образом: „doch hatte man im Jahre 1821 eine vor 92 Jahr vergrabene Leiche ausgegraben“ и т. д. („но в 1821 г. вырыли похороненный 92 года тому назад труп“ и т. д.). В таком виде, без упоминания о Меньшикове, статья эта и была напечатана в Journal of the Royal Geographical Society: „Near Beresow, Erman found the temperature of the soil, at a depth of twenty-three english feet to be 1°, but in 1821 a dead body was found which had been buried upwards of ninety-two years in a bed of ground ice, and which showed no signs of decomposition“.

Может быть, эти сокращения текста сделаны были Крузенштерном во избежание неприятностей, а может быть и сама русская цензура, если она держала эту рукопись в руках, не пропустила указаний на Меньшикова.

Во всяком случае, исправление это не могло быть внесено по причине исторической недостоверности сообщаемого сведения. Разрытие могилы князя А. Д. Меньшикова спустя сто лет после его кончины действительно имело место, при чем даже не один, а два раза. Сделано это было по распоряжению тобольского губернатора Д. Н. Батыш-Каменского, навлекшего на себя этим поступком большое неудовольствие Николая I.

Первый раз, отыскав могилу опального фельдмаршала, ее разрыли 30 июля 1825 года только в присутствии березовского городничего Андреева. При этом, по снятии крышки гроба оказалось, что тело, покрытое на вершок льдом, было „в том виде, в каком положено, без малейшего повреждения“.

Во второй раз потревожили прах Меньшикова зимой, 6 января того же года, в присутствии самого губернатора и восьми других лиц, кроме работников, „употребленных на снятие земли“. На этот раз, естественно, оказалось, что „тело бывшего князя Меньшикова переменилось против прежнего, почернело“.[1]

---

[1] См. „Русская Старина“, 1903 г., январь, т. 113. Указание на эту статью я получил от проф. С. В. Рождественского, любезно мне предоставившего и отдельный оттиск этой статьи, за что приношу профессору глубокую благодарность.

Статья Бэра „о мерзлой почве“ вызвала полемику, о которой рассказывает сам Бэр в своей автобиографии.[1]

В Preussische Staatszeitung появилась заметка, помеченная Лондоном. В ней говорится, что сообщение Бэра вызвало в Лондоне большие сомнения и что поэтому проф. Эрман, занимавшийся тем же вопросом, послал туда свои наблюдения.

Вместе с тем в этой статье подвергалось критике и самое выражение „Boden-Eis“ и рекомендовалось более правильное с точки зрения автора заметки выражение „Eisboden“.

Бэру было ясно, что написал эту статью сам Эрман в Берлине же, что „Лондон“, как выразился Бэр, „находился в Берлине“.

По настоянию Крузенштерна Бэр написал разъясняющие статьи, как в том же английском журнале,[2] так и в других изданиях.[3] В них он доказывает правильность примененного им термина, действительно вошедшего в настоящее время в жизнь, и вносит поправки к утверждениям Эрмана относительно глубины замерзания почвы в исследованных областях.

Второе письмо Крузенштерну относительно лондонской статьи знакомит нас со взглядом Бэра на разгоревшийся вокруг этого вопроса научный спор.

Euer Excellenz

Ersuche ich ganz ergebenst wenn es Ihnen keine Beschwerde macht mir gefälligst von Jameson's New philosophical Journal den XIV-ten Band, wo p. 238 schon ein Aufsatz über den gefrorenen Boden sich findet, zuzusenden.

Ich habe diesen Aufsatz in eine andere Zeitschrift ausgezogen gefunden, mir aber das Nöthige nicht notirt. Auch um die Copie meiner Mittheilung an die Geographical Society möchte ich bitten, wenn Ihnen dieselbe zur Hand ist. Auf die Berlinische Zeitung

---

[1] Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimrathes Dr. Karl Ernst v. Baer, mitgetheilt von ihm selbst. St.-Petersburg, 1865, p. 649.

[2] Recent intelligence upon the frozen ground in Siberia. By Prof. K. E. von Baer, Imp. Ac. Sci. S.-Petersburgh. Journal of the Geographical Society vol. VIII, p.p. 401 — 406.

[3] Athenaeum, 1838, № 565, p. 509. — Ueber eine Äusserung der Preussischen Staatszeitung in Bezug auf den gefrorenen Boden in Jakutsck. Petersburger Zeitung, 1838, № 91. — Lösung des im № 112 der Preussischen Staatszeitung befindlichen Räthsels. Petersburger Zeitung, 1838, № 94.

Zurechtweisung habe ich geglaubt antworten zu müssen, noch ehe ich die Ermanschen Berichtigungen kenne. Das ganze der Verkündigung ist unpassend. Das hübscheste bei der Sache ist aber, dass die Mitglieder der R. Geogr. Society nur insofern sich zweifelnd ausgesprochen haben, als sie Schergin's Beobachtungen nicht für sicher hielten um nach ihnen zu glauben, dass der Boden bis 350 Fuss tief gefroren sei, dass aber Ermann im zweiten Bande seiner Reisebeschreibung der so eben hier angekommen ist, eine Tiefe von 600 Fuss für diesen Zustand annimmt. Von eigenen Beobachtungen ist dabei nicht die Rede, da Ermann nur bis 50 Fuss hat hinunter steigen können.

Mit der unbegränztester Hochachtung
Euer Excellenz
ganz gehorsamst
Akad. v. Baer.

den 23 April
1838.

Перевод:

Ваше Превосходительство

я всепреданнейше прошу, если это Вас не затруднит, оказать мне любезность прислать XIV том Jameson's New philosophical Journal, где на стр. 238 помещена статья о мерзлой почве. Эту статью я нашел в выдержках в другом журнале, но не отметил необходимых мне данных. Также позвольте просить у Вас копию моего сообщения Geographical Society, если она у Вас под рукой.

На указания берлинского журнала я думал отвечать еще до того, как я познакомился с Эрмановскими поправками. Все опубликовать не подходит. Самое занятное в этом деле, однако, то, что члены R. Georg. Society высказали сомнение только постольку, поскольку они считали наблюдения Шергина не столь точными, чтобы на основании их думать, что земля промерзает до глубины 350 футов, в то время как Эрман в только что присланном втором томе своего описания путешествия принимает для этого состояния глубину в 600 футов. При этом не может быть речи о собственных наблюдениях, так как Эрман мог спуститься только на глубину 50 футов.

С безграничным уважением
Вашему Превосходительству
всепреданнейший
акад. ф. Бэр.

23 апреля
1838.

Два следующих деловых письма относятся к тому же 1838 году и говорят опять о журнале Королевского Географического Общества, в котором были напечатаны статьи Бэра о мерзлой почве Сибири. Письма эти лишний раз служат доказательством тесных дружеских отношений, существовавших между Бэром и Крузенштерном. Оба корреспондента, несмотря на разницу лет, живут общими научными интересами, при чем Бэр откровенно высказывает „Его Превосходительству вице-адмиралу и разных орденов кавалеру“ возмущение царящими у нас непорядками.

Бэр пишет:

Первое письмо.

Его Превосходительству вице-адмиралу и кавалеру Крузенштерну.

Euer Excellenz

Danke ich ganz ergebenst für die gefällige Mittheilung des Briefes von Washington, dessen Kenntniss mir von grossem Werthe ist und des Wrangelschen Exemplars von Journal of the R. Geographical Society, im welchen ich die Nachrichten über die Fahrten der Normänner nach America gelesen habe, die mir immer viel Interesse gewahrt haben. Beides schicke ich jetzt mit dem ergebensten Danke zurück.

Ihre Excellenz verzeihen, wenn ich nicht schon gestern die Zeitung von vorigem Mittwochen (№ 91) übersendete. Ich hatte mein Exemplar nicht mehr, da ich es in die Druckerei geschickt hatte um in den Separat-Abdrücken ein paar Druckfehler zu verbessern.

Obgleich nun die Separat-Abdrücke schon gemacht waren, ich also zu spät kam, so habe ich doch nach der gränzenloser Weitläufigkeit aller hiesigen Einrichtungen diese Abdrücke noch nicht erhalten können.

Auch nach einem Exemplare der Zeitung habe ich gestern vergeblich geschickt. Ich habe nur heute wieder ausgeschickt — zuerst zum Redacteur. Bekomme ich da nichts, so schicke ich weiter bis ich zum Ziele komme.

Euer Excellenz

ganz gehorsamst Dr. Baer.

Den 1-ten Mai 1838.

Перевод:

Ваше Превосходительство

Благодарю всепреданнейше за любезное сообщение письма из Вашингтона, ознакомление с которым для меня имело большое значение, и Врангелевского экземпляра Journal of the R. Geographical Society, в котором я прочел известия о поездках норманнов в Америку, всегда меня сильно интересовавших. И то и другое я отсылаю теперь обратно с глубочайшей благодарностью.

Ваше Превосходительство простите меня за то, что я не прислал еще вчера журнала от прошлой среды (№ 91). У меня не было больше моего экземпляра, так как я его послал в типографию для исправления в отдельных оттисках нескольких опечаток.

Несмотря на то, что отдельные оттиски уже были готовы, и я, следовательно, опоздал, я все же не мог получить этих оттисков из-за здешней безграничной волокиты.

Напрасно посылал я также вчера за одним экземпляром журнала. Я опять послал сегодня — сперва к редактору. Если не получу там, пошлю дальше, пока не достигну цели.

Вашему Превосходительству
всепреданнейший Д-р Бэр.

1-го мая 1838.

Второе письмо.

[На обороте:] Его Превосходительству адмиралу Крузенштерну.

Euer Excellenz

eile ich anzuzeigen, dass ich heute mit Fuss in Bezug auf die Wünsche des Geographical Society gesprochen habe. Fuss meinte dass man in Tauschverkehr mit gelehrten Gesellschaften es nicht so genau nehme, ob sie eben so viel wiedergeben, als man ihnen sendet. Nur mit Privat-Personen sei man sehr schwierig. Nach diesem mag also in immerhin die Royal Geographical auf den Auftausch aller Schriften antragen.

Fuss allein kann darüber zwar nicht bestimmen. Allein, wenn man diesen Grundsatz schon früher befolgt hat, so wird mann ihn auch wohl jetzt auf Fussens Vortrag befolgen.

Mit der ausgezeichnetsten Hochachtung
Euer Excellenz
ganz gehorsamst
Akad. v. Baer.

d. 13 mai 1838.

Перевод:

[На обороте:] Его Превосходительству адмиралу Крузенштерну.

Вашему Превосходительству

спешу я сообщить, что сегодня я говорил с Фусом относительно желания Geographical Society. Фус полагал, что при обмене с учеными обществами излишне требовать, чтобы они присылали ровно столько же, сколько им посылают. Только с частными лицами встречаются затруднения. В соответствии с этим пусть запишут Royal Geographical на обмен всеми работами.

Фус один не может этого решить. Но, раз этому правилу следовали раньше, то ему последуют конечно и теперь по докладу Фуса.

С отличным уважением
Вашему Превосходительству
всепреданнейший
Акад. ф. Бэр.

13 мая 1838.

Летом того же года Бэр из своего имения Пийп пишет Крузенштерну, находившемуся в то время в своем имении Асс.

Дело касается аренды имения Крузенштерна родственником Бэра Гагманом. Бэр дает Крузенштерну характеристику Гагмана и сообщает о нем некоторые биографические сведения, за дальнейшими же справками советует обратиться к фон-Майделю, владельцу имения Пастфер.

VI

В следующем 1839 году праздновался пятидесятилетний юбилей службы Крузенштерна.[1] Юбиляру было уже 70 лет от роду, и это было за 7 лет до его смерти.

21 января в 9 часов утра на квартиру Крузенштерна в Морском Корпусе собрались все лица, служившие под его начальством. После речи, произнесенной от их имени одним из сослуживцев адмирала, Крузенштерн последовал в их сопровождении в зал Корпуса, где его радостными кликами встретили построенные в колонны кадеты.

В 4 часа дня в том же помещении собрались военные, морские и гражданские власти, ученые и литераторы. Юби-

[1] K. E. v. Baer. Feier der 50 jährigen Dienstzeit des Vice Admirals v. Krusenstern am 21 Januar 1839. St.-Petersburger Zeitung, 1839, №№ 28, 30, 32, 37.

лейный Комитет отправился на квартиру директора Корпуса и пригласил его на устроенное в его честь торжество. Под звуки музыки Крузенштерн вошел в ярко освещенный громадный зал Корпуса, заполненный кадетами и гостями. В конце зала, над двумя воздвигнутыми пирамидами горело солнце, под ним находилась написанная специально к юбилею большая картина, изображавшая плавание у мыса Доброй Надежды корабля „Надежды", на котором Крузенштерн совершил свое кругосветное путешествие. Под картиной горел вензель с цифрой „50".

Торжество состояло из ряда речей и кантаты, исполненной хором и оркестром при участии известного певца П. Петрова. Парадный обед заключил юбилей. Одну из речей произнес адмирал Рикорд, о котором говорилось уже раньше и который упоминается дальше в письме Бэра по поводу юбилея. После Рикорда непременный секретарь Академии Наук П. Н. Фус прочел адрес от имени „высшей научной корпорации государства", составленный при ближайшем участии Бэра и в первоначальной своей версии написанный его рукой.[1]

В адресе этом Академия прежде всего напоминает Крузенштерну, что избрание его руководителем кругосветной экспедиции произошло при ее живом участии. Академия, веря в него, приняла его в число своих членов-корреспондентов еще до начала путешествия, в 1803 году, а когда он в 1806 году, возвратившись из плавания, блестяще оправдал ее надежды, немедленно избрала его в свои почетные члены. Его кругосветное плавание, кроме славы русскому флоту, обогатило науку открытиями и исследованиями, мощно раздвинувшими границы естествознания и землеведения. Об этом свидетельствует один из драгоценнейших результатов его путешествия — изданный им гидрографический атлас Южного Моря. Высокое значение этого труда было удостоверено Академией предложением Крузенштерну в 1827 году места ординарного академика географии и наутики. Десять лет спустя Академия по собственному почину увенчала его труд полной Демидовской премией.

Во исполнение своего высокого назначения, как представительницы науки в государстве, Академия Наук приносит ему

---

[1] Архив Конференции АН.

благодарность за его пятидесятилетнюю славную, неустанную деятельность, посвященную науке и родине, и выражает ему живые чувства уважения за его высокие заслуги в области знания. Адрес был подписан президентом Академии графом С. С. Уваровым и непременным секретарем П. Н. Фусом.

За приветствием от имени Академии следовало обращение к Крузенштерну представителя Русско-Американской Компании.

Последнее слово должен был сказать старейший из адмиралов русского флота граф Литта.[1] Однако, он по болезни не мог прибыть на юбилей и через два дня после юбилея Крузенштерна скончался.

Но вместо адмирала неожиданно для большинства присутствовавших выступили три старых матроса, сподвижники Крузенштерна по кругосветному плаванию. Держа в руках флаг корабля „Надежды", они преклонились перед своим старым начальником и другом. Один из них, Клим Григорьев, ко времени празднования юбилея Крузенштерна, глубокой зимой, по собственному почину пришел пешком из глубины России в Петербург, заявив, что он не может умереть, не повидав еще раз своего капитана. На Крузенштерна поступок Григорьева произвел глубокое впечатление. Семь лет спустя, умирая, Крузенштерн высказал пожелание, чтобы в случае, если хотя бы несколько строк после его смерти будет посвящено его памяти, было бы упомянуто и имя Клима Григорьева. Этот завет мы сейчас со своей стороны и выполняем.

---

[1] Литта, граф Юлий Помпеевич (1763 — 1839), итальянец родом, приехал в Россию 26 лет и поступил во флот. После участия в морских сражениях, поселился в Петербурге и стал настолько видным деятелем католицизма в России, что Екатерина II отправила его путешествовать по Италии „впредь до востребования". По воцарении Павла I Литта вернулся в Петербург и убедил Павла I не только возвратить Мальтийскому ордену все его доходы, обращенные Екатериной II в пользу казны, но и учредить Российское Великое Приорство ордена, при чем Павел I принял звание великого магистра ордена, а Литта склонил императора к исходатайствованию у папы официального восстановления ордена иезуитов в России. Однако, заносчивость брата Литта, папского нунция Лаврентия, привела к тому, что Лаврентия выслали, а самого Литта уволили в отставку. Впоследствии он был снова принят на службу, назначен членом Государственного Совета, но уже прежней роли не играл. В 1839 году, в год юбилея Крузенштерна и год смерти Литта, ему было 76 лет.

Бэр был недоволен тем, что Крузенштерну по случаю его юбилея от Академии было прочитано только приветствие. Он полагал, что, независимо от адреса, Академия должна была бы ознакомить широкие круги общества с деятельностью такого, как он выразился, „всемирно-известного лица“ путем „прессы“. Бэр сделал это сам, напечатав биографический очерк Крузенштерна в Petersburger Zeitung.[1]

Большую часть этой серьезной и обширной статьи Бэр посвящает историческому очерку открытий и путешествий русских мореплавателей и тем самым выдвигает заслугу Крузенштерна. Определяя роль предшественников Крузенштерна, Бэр высказывает взгляды, совершенно необычные для того времени с политической точки зрения, и приходится только удивляться, что они были допущены к напечатанию тогдашней цензурой.

„Man las zwar vor kurzem“, говорит Бэр, „in der Zeitschrift: The Athenaeum, dass in Russland die Barbarei des niederen Volkes die guten Absichten der Regierung (bei Reise-Unternehmungen) oft vereitle... Aber nie ist etwas Fälscheres behauptet worden. Nie hat man hier von einer Expedition gehört, wo die Absicht der Regierung durch die Barbarei des niedern Volkes vereitelt wäre.

Dagegen hat das niedere Volk fast immer der wissenschaftlichen Untersuchung den Weg gebahnt. Ganz Sibirien mit seinen Küsten ist so entdeckt. Die Regierung hat immer nur in Besitz genommen, was das Volk durchwandert hatte. Kamtschatka und die Kurilischen Inseln sind auf dieselbe Weise hinzugefügt. Sie wurden erst später von der Regierung besehen... So haben Unternehmungslustige des niedern Volkes die ganze Inselkette des Bering-Meeres und die ganze Russische Küste von Nordwest-Amerika zuerst aufgefunden. Eben so haben Abenteurer des niedern Volkes zuerst die Meerenge zwischen Asien und Amerika befahren, zuerst die Lächowschen Inseln gefunden, und jahrelang die Einöden von Neu-Sibirien besucht, ehe man in Europa deren Existenz kannte. Ueberall ist ihnen seit Bering die wissenschaftliche Marine nur gefolgt“.

---

[1] St.-Petersburger Zeitung, 1839, №№ 28, 30, 32, 37.

Перевод:

„Недавно приходилось читать в статье The Athenaeum, что в России варварство простонародья часто губит благие намерения правительства (при организации путешествий)... Но никогда не произносилось ничего более неверного. Мы никогда здесь не слыхали ни об одной экспедиции, где бы намерения правительства были погублены варварством простонародья. Наоборот, простонародье почти всегда пролагало путь научным изысканиям. Вся Сибирь с ее берегами открыта таким образом. Правительство всегда только присваивало себе то, что народ открывал. Таким образом присоединены Камчатка и Курильские острова. Только позже они были осмотрены правительством... Предприимчивые люди из простонародья впервые открыли всю цепь островов Берингова моря и весь русский берег северо-западной Америки. Смельчаки из простонародья впервые прошли морской пролив между Азией и Америкой, первыми нашли Ляховские острова и много лет посещали пустыни Новой Сибири до того, как об их существовании что-либо знала Европа... Всюду со времени Беринга научное мореходство только следовало по их стопам“.

Крузенштерн, по утверждению Бэра, подобен этим истинным исследователям, русским мореходам из простонародья. Его экспедиция пошла по совершенно новому пути, по которому народ еще не ходил.

Для этой статьи Бэру потребовались дополнительные сведения. Поэтому не дальше как на третий день после юбилея он обращается за ними к дочери Крузенштерна в письме, адресованном ее матери. В следующем письме без даты Бэр сообщает уже самому адмиралу об его решении написать статью относительно Крузенштерна, попутно высказывая, очевидно в связи с юбилеем Крузенштерна, неудовольствие относительно „некоторых людей, не умеющих смотреть дальше сегодняшнего дня, ни вперед, ни назад“.

В другом письме без даты он уже пересылает адмиралу набросок биографического очерка, но вместе с тем еще раз просит у него необходимых новых биографических данных. Наконец, четвертое письмо от 24 сентября 1839 года касается снова требуемых поправок и дополнений к составляемому Бэром очерку.

Все эти письма указывают, между прочим, насколько серьезно относился Бэр к каждой поставленной себе задаче, безразлично малого или большого значения.

Первое письмо Бэра дочери Крузенштерна, вложенное в конверт с надписью: „Ihrer Excellenz der Frau Vice-Admiralin von Krusenstern“ гласит:

Euer Hochwohlgeboren

wünschten meinen Entwurf zu einem Gratulations-Schreiben an Ihren Herrn Vater kennen zu lernen. Da ich keinen Grund finde, ihn zurükzuhalten, so bin ich so frei ihn hiermit zu übersenden, wie er zuletzt einer besonderen Commission vorgelegt wurde. Indessen ist das mein ursprüngliche Vorschlag nicht. Ich glaubte und glaube noch jetzt, die Akademie hätte eine Gratulationsschrift von grösserem Umfange wollen drucken lassen, denn nach meiner Ansicht spricht eine Akademie, wenn sie nicht zu einem ihrer Beamten officios, sondern zu einer welthistorischen Person spricht, nur durch die Presse. Es war nun ein Missverständniss, dass man glaubte, ich meinte eine schriftliche Erklärung der Theilnahme und da der Minister sich erklärt hatte sie zu unterzeichnen so blieb es dabei. Vielleicht hatte d. andere Weg, der hier ungewöhnlich zu sein scheint, auch aufgefallen.

Euer Hochwohlgeboren würden mich sehr verbinden, wenn sie mir mit kurzen Worten mittheilen könnten an welchem bestimmten Tage Ihr Herr Vater in den Dienst trat und Officier wurde. Sollten Sie einige frühere Familien-Nachrichten besitzen, so wären mir auch diese sehr willkommen. Auch Riccord's Rede wünschte ich kennen zu lernen.

Mit der grössten Hochachtung habe ich die Ehre mit [?] zu sein

Euer Hochwohlgeboren
ganz ergebenst
Dr. Baer.

St.-Petersburg
d. 23-ten Jan.
1839.

Перевод:

Ваше Высокоблагородие

желали познакомиться с наброском поздравительного адреса Вашему батюшке. Не находя оснований его задерживать, я беру на себя смелость переслать его с этим письмом в том виде, в каком он, в конце концов, был представлен особой Комиссии. Однако, он не является моим первоначальным предложением. Я полагал и полагаю еще и теперь, что Академия должна была бы пожелать напечатать поздравительное сообщение более обширного объема, так как на мой взгляд Академия может говорить, если она обращается не к одному из своих служащих официально, а ко всемирно-исторической личности,

только при посредстве прессы. Надо считать недоразумением предположение, что я подразумеваю письменное заявление об участии, и так как министр согласился его подписать, то это так и осталось. Может быть другой путь, здесь кажущийся необычным, тоже обратил внимание.

Ваше Высокоблагородие меня очень обязали бы, если бы Вы мне вкратце сообщили, в какой точно день Ваш батюшка вступил на службу и стал офицером. Если Вы обладаете некоторыми более ранними фамильными сведениями, то они были бы мне очень кстати. Также хотел бы я познакомиться с речью Рикорда.

С величайшим уважением имею честь подписаться
Вашего Высокоблагородия
покорнейшим
Д-р Бэр.

С.-Петербург
23-го янв.
1839.

Второе письмо гласит:

Euer Excellenz

falle ich schon wieder beschwerlich — aber wahrlich nicht um mir einen Dank zu verdienen. Mir schien es nur, dass einige Menschen über den heutigen Tag nicht wegsehen können, weder vorwärts, noch rückwärts — und weil ich mir ein allgemeines Urtheil über das Verhältniss und die Wirkung der ersten Russischen Weltumsegelung zu traute auch vielleicht etwas gegen die Admiralität auf dem Herzen habe, liess ich mich bestimmen das Wort zu nehmen, obgleich ich das Einzelne zu beurtheilen nicht im Stande bin. Da der Aufsatz halbofficiell also gleichsam im Namen der Akademie ist, schien es mir nun auch passend die literärischen Arbeiten hinter der Biographie aufzuführen. Das Schriftsteller Lexicon von Recke und Napiersky giebt dazu die besten Materialien. Ein Paar neuere Sachen, die ich kannte, habe ich hinzugefügt, aber leider versäumt als ich auf der Bibliothek war den Titel des Supplément nur zu copiren. Vielleicht haben Euer Excellenz dieses Werk bei der Hand, so werde ich heute abend den Titel ausfüllen. Bis dahin bitte ich ein Blick auf die Beilage zu werfen um zu sehen ob wesentliche Fehler da sind.

Euer Excellenz gehorsamst Dr. Baer.

[Без даты и адресата].

Перевод.

Ваше Превосходительство,

я снова затрудняю Вас и, правда, не для того, чтобы заслужить благодарность. Мне казалось только, что некоторые люди не могут видеть дальше сегоднешнего дня, ни вперед, ни назад, и, так как я считал себя вправе иметь общее суждение об условиях и значении первого русского кругосветного плавания и, может быть, кое-что имел на сердце против Адмиралтейства, то я и решился взять слово, несмотря на то, что я не был в состоянии судить о частностях. Так как статья является полуофициальной, следовательно в некотором роде от имени Академии, то мне казалось также уместным вслед за биографией привести литературные работы. Словарь писателей Рекке и Напирского дает для этого превосходный материал. Пару более новых вещей, мне известных, я присоединил сам, но к сожалению упустил, когда я был в библиотеке, списать заглавие дополнения. Может быть, Ваше Превосходительство имеете этот труд под рукой, тогда я заполню сегодня вечером заглавие. До этого прошу вас бросить взгляд на прилагаемое, чтобы удостовериться, нет ли там существенных ошибок.

Вашему Превосходительству преданнейший Д-р Бэр.

[Без даты и адресата].

Третье письмо следующего содержания:

Euer Excellenz

gebe ich mir die Ehre, den von mir entworfenen biographischen Abschnitt mit der ergebenster Bitte um gefällige Durchsicht zu übersenden damit kein Irthum darin bleibe. Ein Paar Stellen habe ich nur nach Muthmassungen hingeschrieben und können nicht abgedruckt werden, ohne dass die Bestätigung oder Besichtigung erhalten.

Auch fehlen mir einige Notizen ganz. Z. B.

Das Geburtsjahr.

Der zweite Vorname.

Der Name des gefangenen Schwed. Admirals.[1]

Wie kams, dass Sie mit der Absicht nach Ostindien zu gehen zuerst nach Barbados etc. kamen?[2]

---

[1] В Выборгском сражении 1790 года корабль „Мстислав", на котором находился во время битвы мичман Крузенштерн, взял в плен шведский контр-адмиральский корабль, и Крузенштерн был назначен состоять при пленном контр-адмирале Лилиенфельде.

[2] По разъяснению, любезно данному мне проф. Ю. М. Шокальским, путь этот был избран потому, что штилевая полоса шире около материка Америки, чем около материка Африки, а Крузенштерн был на парусном судне.

Ist es richtig dass Euer Excellenz den Adm. Riccord [?] geantworten haben? Oder hätte ich mich bloss auf die Vorrede zur Reisebeschreibung zu beziehen?

Wodurch wurde das Zurückziehen nach Ass veranlasst?

Wann Contre-Admiral?

Wann Director d. See-corps?

Auch fehlt mir das Verzeichniss der Orden.

Die Antwort auf diese Fragen werde ich persönlich abzuholen die Ehre haben.

Euer Excellenz
gehorsamster
Akad. v. Baer.

Sonntag.

Перевод:

Вашему Превосходительству

имею честь переслать набросок биографического очерка с покорнейшей просьбой о любезном его просмотре. Некоторые сведения я сообщил только по предположениям, и они не могут быть напечатаны без предварительного подтверждения и просмотра. Также совершенно не достают мне кое-какие данные, напр.:

Год рождения.

Второе имя.

Имя пленного шведского адмирала.

Как случилось, что Вы, имея намерение пройти в Остиндию, сперва пришли на Барбадос и т. д?

Верно ли, что Ваше Превосходительство отвечали адмиралу Рикорду?

Или следует мне только сослаться на предисловие к описанию путешествия?

Чем был вызван Ваш отъезд в Асс?

Когда контр-адмирал?

Когда директор Морского Корпуса?

Также у меня нет перечня орденов.

Ответ на эти вопросы я буду иметь честь получить от Вас лично.

Вашего Превосходительства
всепреданнейший
акад. ф. Бэр.

Воскресенье.

Четвертое письмо гласит:

Excellenz

Die kleine Schrift, welche ich bei Gelegenheit Ihrer Dienst Jubelfeier zu verfassen die Ehre hatte, wünschte ich schon damals in eine mehr bleibende Form wieder erscheinen zu lassen. Dazu ist

nach 3—4 Wochen etwa eine gute Gelegenheit. Ich werde das Ganze zu diesem Zwecke noch mals durchsehen und ersuche Euer Excellenz ganz ergebenst dasselbe zu thun und mir Ihre Bemerkungen gütigst mitzutheilen. Ganz besonders wünsche ich Zusätze zu den biographischen Notizen. Ich habe zu diesem Zwecke dieselben mit Papier durchschiessen lassen. Von einer früher erhaltenen Mittheilung, die ich beilege, werde ich bei dem neuen Abdrucke Gebrauch machen.

Das früher mir gütigst mitgetheiltes Heft der Philosophical Magazine sende ich bei dieser Gelegenheit mit dem ergebensten Danke zurück, da wir es nun erhalten haben.

Mit der ausgezeichneter Hochachtung

Euer Excellenz
ganz gehorsamst
Dr. Baer (Staatsrath).

St.-Petersburg
1839.

Перевод:

Ваше Превосходительство

Маленькое сообщение, которое я имел честь составить по случаю Вашего служебного юбилея, я уже тогда намеревался опубликовать в более совершенной форме. К этому представится хорошая возможность приблизительно через 3—4 недели. Я просмотрю для этой цели еще раз все и покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать то же самое и не отказать в любезности сообщить мне Ваши замечания. Особенно необходимы мне дополнения к биографическим сведениям. Для этой цели я проложил их бумагой. Одно прежде полученное прилагаемое сообщение я использую при новом печатании.

Я пользуюсь случаем переслать с глубочайшей благодарностью любезно присланный мне прежде номер Philosophical Magazine, так как мы его тоже получили.

С отличным уважением
Вашему Превосходительству
всепреданнейший
Д-р Бэр (статский советник).

С.-Петербург
1839.

Курьезно шуточное послание, сочиненное Бэром на следующий день после юбилея очевидно, для прочтения на фамильном торжестве по случаю юбилея.

Вот его текст.

Historiograph NN.

Ist gestern viel Redens gewesen von den Weltumsegelungen der Russen und hat man dabei der Frauen garnicht gedacht, so will ich jetzt aus alten Chroniken beweisen, dass ganz allein den schönen Augen der Esthländerinnen diese Weltumsegelungen zuzuschreiben sind, und dass sie dieses Recht vor grade 200 Jahren sich erworben haben.

Als im Jahr des Heils 1635 der „Edle Wolehrenverte Graf Hochgelehrte *Herr Philipp Crusius* seine zweite Gesandtschaft nach Moscovien und Persien begunte", kam er — nicht auf die angenehmste Weise, aber ächt seemännisch durch Strandung nach Hochland. Von Hochland fuhr er hinüber nach Esthland in die Bucht von Ralla und Kunda. In Kunda mag der Schiffbrüchige etwass zu tief in die theilnehmenden Augen der Tochter vom Hause gesehen haben, denn wir finden geschrieben, dass er nach der Rückkehr aus Persien und Moscovien im Jahr 1639 (also grade vor 200 Jahren) sich mit Fräulein Marie Müller von Kunda vereheligt habe. Da er nun später aus Schleswig-Holsteinischen Diensten in Königlich-Schwedishen Dienste getreten und als „Philipp von Krusenstiern, General-Director der Commercien in Estonien und Ingermannland" in Narva gelebt hat, so ist mehr zu vermuthen, dass er solcher seiner Liebsten zu gefallen, als der Erinnerung an den Schiffbruch zu gefallen gethan habe.

Da ferner von sathanem [?] Ehrenverten *Philipp von Krusenstiern* der Herr Vice-Admiral von Krusenstern abstammt und da die neuern Russischen Weltumsegelungen sämmtlich von der ersten Weltumsegelung abstammen, so ist klar dass sie alle den schönen Augen eines Esthländischen Fräuleins zuzuschreiben sind, das vor 200 Jahren in Kunda lebte.

Solcher Kund zu thun habe fur meine Pflicht gehalten, der ich bin

Esthländischer Reichshistoriograph N. N.

Esthland
den 22-ten Jan.
1839.

Перевод:

Историограф NN.

Так как вчера много говорилось о кругосветных плаваниях русских мужей, и при этом совершенно не подумали о женщинах, то я намерен теперь указать из старинных летописей, что честь этих кругосветных плаваний следует приписать исключительно прелестным очам эстляндок, и что они приобрели это право ровно 200 лет тому назад.

Когда в 1635 году благородный достоуважаемый граф высокоученый *господин Филипп Крузиус* начал свое второе посланничество в Московию и Персию, то пришел он, не очень приятным способом, но истинно мореходным, благодаря кораблекрушению, к Гохланду. От Гохланда он пошел к Эстляндии в бухту Ралла и Кунда. В Кунде потерпевший кораблекрушение повидимому слишком загляделся в соболезнующие глаза дочери хозяина дома, ибо мы читаем в письменах, что он по возвращении из Персии и Московии в 1639 году (следовательно ровно 200 лет тому назад) сочетался браком с девицей Марией Мюллер из Кунды. Так как он впоследствии из Шлезвиг-Голштинской службы перешел в Королевско-Шведскую и как Филипп фон Крузенштиерн, генеральный директор коммерции в Эстонии и Ингерманландии, пребывание имел в Нарве, то надлежит предположить, что он там поселился скорее для удовольствия своей возлюбленной, чем в память о кораблекрушении.

Так как, далее... от достоуважаемого Филиппа фон Крузенштиерна происходит вице-адмирал фон Крузенштерн, и так как все новейшие русские кругосветные плавания происходят от первого кругосветного плавания, то ясно, что все они должны быть приписаны прелестным очам одной эстляндской девицы, жившей в Кунде 200 лет тому назад.

Об этом оповестить[1] счел своим долгом я эстляндский государственный историограф НН.

Эстляндия.
22-го янв.
1839

VII

Последнее письмо Крузенштерну относится ко времени энергичнейшей научной деятельности Бэра. В 1840 году Бэр совершает утомительное путешествие на Кольский полуостров, начинает издавать вместе с Гельмерсеном „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches“ и вместе с тем принужден тратить время и нервы на улаживание паспортных недоразумений с полицейскими властями. Человек науки, он чувствует себя в этой последней сфере весьма беспомощным и обращается к адмиралу за поддержкой и советом.

[1] Solcher Kund zu thun — игра слов.

Бэр пишет:

Euer Excellenz

Sehe mich genötigt mit einer sehr kleinlichen Sache zu belästigen. Meine Köchin Лена Михайловна deren Pass in zwei Tagen abläuft hat das vom Adress-Comptoir ausgestellte Billet nicht. Sie hat es dem Policei-Meister des See-Corps abgegeben um es einzutragen und glaubt nun das Billet liege bei mir. Allein ich habe das Billet auch nicht, finde es nicht in der Kapsel, in der sonst die Pässe und ähnliche Papiere bei mir liegen. Jch habe daher den Policei-Meister des See-Corps bitten lassen ihr einen neuen Billet oder einen neuen Pass zu verschaffen, allein er hat antworten lassen, dass ihn das nichts angänge. Ich glaube aber es geht ihm sehr viel an — wenigstens geht es mich nur dann an, wenn er beweisen kann mir das Billet zugeschickt zu haben. Ich höre aber dass mein ehemaliger Diener Gleb über den Empfang quittirt hat. Wenn das so ist, so wird er wohl das Billet noch haben, allein ich kenne sein Aufenthalt nicht.

Ich habe um so weniger darauf halten können, dass mir das Billet abgegeben würde als bei meinem Einzug in das Haus, das ich jetzt bewohne, der Policei-Meister mir sagen hiess, die Pässe müssten bei ihm liegen bleiben. Das sagte mir wenigstens mein damaliger Diener Kosma und musste ihm das Billet wirklich ausliefern. Ob die Forderung richtig war kann ich freilich nicht wissen, da alle Behörden hier solche Bestellungen mündlich machen lassen. So viel ist gewiss, dass ich von jener Zeit an keinen Pass aufzubewahren verlangt habe.

Ich hatte heute in das Adress-Comptoir geschickt und einen neuen Pass oder ein neues Billet verlangt. Man hat mir antworten lassen ich müsste auf Stempelpapier schreiben und Strafe zahlen und Gott weiss was. Wenn etwas nothwendig gezahlt werden muss, so werde ich zahlen. Noch sehe ich aber die Nothwendigkeit garnicht ein da ich diesen Pass nicht in Verwahrung gehabt habe. Mir scheint es, wenn es nothwendig ist, das der Pass bei dem Policei-Meister des Corps eingeschrieben werden, so muss auch die Erneuerung u. s. w. von da besorgt werden. So wenigstens ist es in der Akademie, wo der Policei-Meister die Pässe allen dort Wohnenden besorgt.

Euer Excellenz verzeihen gütigst dass ich Sie mit dieser Angelegenheit betätige. Allein es scheint mir dass der Policei-

Meister durch das lärmende Wesen meiner Köchin aufgeregt ist und nun nichts thun will. Ich weiss aber garnicht, was ich dem Adress-Comptoir schreiben soll.

Mit der ausgezeichnetsten Hochachtung
Euer Excellenz
ganz gehorsamster
Dr. v. Baer.

Den 22 Januar
1840.

Перевод.

Ваше Превосходительство

Я принужден утруждать одним очень мелочным делом. Моя кухарка, Лена Михайловна, которой через два дня выходит срок паспорта, не имеет выданного адресной конторой билета. Она отдала его полицеймейстеру Морского Корпуса, чтобы его зарегистрировать, и думает, что билет находится у меня. Однако у меня этого билета тоже нет, не нахожу я его и в коробке, в которой у меня обычно хранятся паспорта и подобные бумаги. Я послал поэтому попросить полицеймейстера Морского Корпуса снабдить ее новым билетом или новым паспортом, однако он велел мне ответить, что это его нисколько не касается. Я же полагаю, что это его весьма касается; по крайней мере это меня касается только в том случае, если он может доказать, что он мне билет присылал. Мне же, наоборот, сказали, что мой бывший слуга Глеб расписался в получении билета. Если дело обстоит так, то надо полагать, что билет находится еще у него, но я не знаю его местопребывания.

Я тем менее могу думать, что билет был мне возвращен, так как при моем въезде в дом, в котором я сейчас живу, полицеймейстер распорядился сказать мне, что паспорта должны оставаться у него. Так сказал мне, по крайней мере мой тогдашний слуга Кузьма, и я ему действительно должен был выдать билет.

Насколько требование было правильно, я, правда, не могу знать, так как все служащие здесь дают все такие распоряжения устно. Достоверно по крайней мере то, что я с той поры не требовал для сохранения ни одного паспорта.

Сегодня я послал в адресную контору и потребовал или новый паспорт, или новый билет. Мне распорядились ответить, что я должен писать на гербовой бумаге и заплатить штраф и бог весть еще что. Если действительно что-нибудь надо заплатить, то я заплачу. Но я еще не усматриваю в этом необходимости, так как этот паспорт не был у меня на хранении. Мне кажется, если необходимо, чтобы паспорт записывался у полицеймейстера Корпуса, то и о возобновлении его и т. д. должны заботиться там же. Так, по крайней мере, ведется

дело в Академии, где полицеймейстер выправляет паспорта всем там живущим.

Ваше Превосходительство, простите великодушно, что я Вас безпокою этим делом. Но мне кажется, что полицеймейстер был возбужден шумливым поведением моей кухарки и потому ничего не хочет сделать, я же совершенно не знаю, что я должен писать адресной конторе.

С отличным уважением
Вашему Прелосходительству
всепокорнейший
Д-р Бэр.

22 января
1840.

Таких конфликтов с властями предержащими у Бэра в его жизни было не мало, и не только в петербургский период его жизни. Не забудем, что одной из причин, заставивших Бэра оставить Кенигсберг и переехать в Россию, было „расхождение во мнениях с прусским министерством относительно стоимости его исследований по развитию млекопитающих".[1] Бэру была ненавистна волокита петербургских канцелярий с их безъответственными чиновниками.

Чиновники Министерства Государственных Имуществ по совершенно непонятным для него причинам выпускали из его отчетов по рыболовству самые важные заключительные части.[2]

Особенными „симпатиями" Бэра — и надо сознаться по заслугам — пользовалась наша таможня. Уже перевозка книг его библиотеки в 1835 году из Кенигсберга в Петербург вооружила Бэра против этого учреждения. Ни один немецкий торговый пароход не желал взять на себя ответственности за сохранность ее при доставке в Петербург из боязни петербургской таможни, известной царившими в ней „порядками". Только благодаря содействию адмирала Рикорда, распорядившегося перевезти книги иа русском военном судне, их удалось доставить в неприкосновенности в Петербург. Но данным случаем не исчерпываются столкновения Бэра с таможней. Вечером 10 февраля 1845 года Бэр узнает от доктора Шульце, что десять дней тому назад под Ораниенбаумом задержан был пограничной стражей извощик, везший в Академию

[1] Prof. Hans Prutz. Die Königliche Albertus Universität zu Königsberg im Preussen im 19 Iahrhundert. Zur Feier ihres 350 jährigen Bestehens. Königsberg, 1894, p. 171.

[2] Selbstbiographie, p. 646.

ящик с черепами, и что этот извощик вместе со своей кладью все эти десять дней находится под арестом. Бэр 11 февраля посылает письмо П. Н. Фусу с просьбой немедленно уладить дело. Последний 12 февраля посылает бумагу полицеймейстеру Ораниенбаума, а 17 февраля в Академию поступает следующее отношение Ораниенбаумского Земского Суда:

„Вследствие отношения Академии от 12 числа настоящего февраля за № 228 Земский Суд при сем имеет честь препроводить задержанные по сомнению надзирателем Ораниенбаумского отряда пограничной стражи укупоренные в ящик и запечатанные в оном печатью суда восемь *скилетов* человеческих *голов* [курсив наш *М. С.*]. Просит о получении уведомить с сим же нарочно-посланным.

Земский Исправник (подпись)
Секретарь (подпись).“

В том же 1845 году посланные Бэром из-за границы боченок и ящик с „натуралиями“ бесследно пропали на пути в Петербург.

В 1847 году два ящика с „натуралиями в спирте“ и другими предметами, посланными Бэром из Триеста по железной дороге, застряли в петербургской таможне, и Бэр не мог получить их в мае, в то время как они требовались ему для научной работы в феврале. А не выдавались они ему по следующей причине. Венский банкир Геникштейн, которому Бэр поручил отправку этих ящиков, указал неточный адрес, именно вместо „Зоологический музей Императорской Академии Наук“ написал „Императорский Естественно-Научный Кабинет“ (Kaiserlicher Naturalien Kabinet). На петербургской же таможне адрес испытал новое превращение, слово „Naturalien“ почему то в канцелярии таможни выпало, и от адреса остался только „Императорский Кабинет“, что по толкованию таможенных чиновников значило „Кабинет Его Величества“. Посему ящики были в тот же день отосланы по высокому назначению и сейчас же оттуда возвращены в таможню, как присланные не по адресу.

Узнав от барона Штиглица о путешествии его ящиков по Петербургу, Бэр представил в таможню накладную с просьбой выдать их ему. Однако, таможня направила Бэра для проверки его документов в Департамент Внешней Торговли.

Последний не удовлетворился не только накладной, но и письмом барона Штиглица, „думал“, как пишет Бэр Академии,[1] „над этим делом более 4-х недель“, после чего препроводил его высокородию К. М. Бэру отношение, в котором „г. Статский Советник Бэр извещается, что вследствие его просьбы от 21 минувшего апреля предписано С.-Петербургской Таможне, досмотреть при доверенном от него лице, привезенные на адрес «Кабинета Его Императорского Величества» два ящика с принадлежащими г-ну Бэру предметами естественной истории и поступить в пропуске сих последних на основании тарифа; но выдать оные по принадлежности не прежде, как по представлении в Таможню законных доказательств, что помянутые предметы действительно принадлежат ему, г-ну Бэру“. Бэр никак не мог понять, какие еще нужны доказательства Департаменту, раз он представляет накладную и вдобавок еще письмо чиновного лица, удостоверяющего принадлежность Бэру указанных вещей. За разрешением этого недоумения он обратился в Конференцию Академии. Последняя немедленно препроводила надлежащую бумагу в С.-Петербургскую Таможню.

В ней свидетельствуется, что находящиеся в ящиках „собранные на берегах Средиземного моря естественные предметы, книги, рукописи и разные ученые снадобья“ действительно принадлежат Бэру, и что это именно те предметы, „для собирания коих он с Высочайшего соизволения был командирован к Средиземному морю“, а потому Академия просит: „отпустить сии два ящика в присутствии г-на Бэра под росписку экзекутору Академии“.[2]

Только тогда, в июне вместо февраля, ящики Бэра, наконец, попали к нему в руки.

Независимо от этих и других не упоминаемых здесь недоразумений, уже самые формальности, которые он должен был выполнить при поступлении на государственную службу, могли вызвать в таком независимом человеке, каким был Бэр, неприятное настроение.

Кроме обычной присяги он обязан был, как приехавший из-за границы, дать в 1830 году следующую „Декларацию по

[1] Письмо Бэра Академии Наук от 28 мая 1842 года: „über 4 Wochen über diese Sache nachgedacht“. Архив Конференции АН.

[2] Архив Конференции АН.

предмету секретных обществ“ („Déclaration au sujet des sociétés secrètes“):

„Я нижеподписавшийся сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри Империи, ни вне ее не принадлежу, и обязываюсь впредь к оным не принадлежать, и никаких сношений с ними не иметь“.

Неудивительно, что под впечатлением административных воздействий вынесенных им, Бэр, только что вернувшись с Новой Земли, уже в письме из Архангельска к П. Н. Фусу восклицает „как счастлива Новая Земля, что в ней нет ни магистратуры, ни окружного суда, ни полиции“,[1] а, приехав в Петербург, эту тему развивает еще дальше следующим образом:

„Nowaja Semlja ist das wahre Land der Freiheit, wo jeder thun und lassen kann, was er will. Es ist das einzige Land, wo es keine Polizei und keine Regierung als die des allgemeinen Herrn giebt, die hier freilich strenger ausfällt, als auf den meisten anderen Punkten der Erde. Es hat vor allen cultivirten Ländern den Vorzug voraus. Es ist ferner das einzige Land, Europas wenigstens, wo der Ankommende nicht als Schurke empfangen wird. Betrete ich die sogenannten civilisierten Länder, so empfängt mich sogleich im Namen der Regierung eine Bande von Beamten mit der Frage, ob ich nichts Verbotenes thue, indem ich Verbotenes einführe. Ja, die Bande spricht diese Frage nicht einmal aus, sondern handelt sogleich danach. In Nowaja Semlja wird jeder Ankommende als honnête homme empfangen“.[2]

Перевод:

„Новая Земля есть настоящая страна свободы, где каждый может действовать и жить, как он хочет. Это единственная страна, где нет никакой полиции и никакой иной власти кроме господней. Правда, она здесь сказывается суровее, чем в большинстве других точек земли. В этом ее преимущество перед всеми культурными странами. Далее это единственная страна, по крайней мере в Европе, где пришлец не встречается, как мошенник. Как только я попадаю в так называемые цивилизованные страны, так сейчас же меня встречает от имени правительства банда чиновников вопросом, не совершаю ли я чего-нибудь воспрещенного, ввозя воспрещенное. Мало того, банда

[1] Архив Конференции АН.
[2] Dr. Ludwig Stieda. K. E. v. Baer. 1878, p. 124.

эта даже не произносит этого вопроса, а сейчас же поступает соответственно этому вопросу. На Новой Земле всякий пришелец принимается как honnête homme.

VIII

Последнее упоминание о Крузенштерне среди личной переписки Бэра мы встретили в письме его от 27 февраля 1844 года непременному секретарю П. Н. Фусу, за два года до смерти адмирала. В этом году Бэр уже жил в академической квартире, а Крузенштерн, оставив должность директора Морского Корпуса, „состоял при особе Его Величества". Кругосветному мореплавателю было 76 лет.

Письмо Бэра касается вещей, которые он хотел послать в Якутск А. Ф. Миддендорфу.[1]

В конце письма Бэр в шуточной форме приглашает П. Н. Фуса притти к нему сегодня вечером посмотреть на географов, которые у него соберутся.

„Vielleicht", заканчивает он письмо, „kommt der alte Krusenstern auch. Wenigstens machte er mir Vorwürfe, dass ich ihm das erste Mal nichts gesagt hatte".

Перевод:

„Может быть придет также старик Крузенштерн. По крайней мере он упрекал меня, что я ему ничего не сказал в первый раз".

Собрания географов, о которых говорит в письме Бэр, вероятно имели отношение к вопросу об учреждении Русского Географического Общества. Мысль об его основании, возникшая как раз в 1844 году, нашла живое сочувствие в нескольких кружках петербургского общества. Один из них состоял из русских „мореходов": Ф. П. Литке, И. Ф. Крузенштерна, Ф. П. Врангеля и П. И. Рикорда. В другой кружок, о котором, надо полагать, и говорит Бэр, входили исключительно академики: К. М. Бэр, В. Я. Струве, Г. П. Гельмерсен, П. И. Кеппен и, по возвращении из своего путешествия на Таймырский полуостров, А. Ф. Миддендорф. Кружок этот, по свидетельству П. П. Семенова,[2] отличался „несколько замкнутым партикуляризмом".

---

[1] А. Ф. Миддендорф находился в то время в экспедиции на Таймырском полуострове.

[2] П. П. Семенов. История полувековой деятельности Имп. Русск. Географ. О-ва. 1845 — 1895 гг. СПб. 1896, часть I, отд. I — III, стр. 2.

В 1846 году, 12 августа, Крузенштерн скончался в своем имении Асс. Останки его были перевезены в Ревель, где и похоронены в Domkirche. Бэр в это время был за границей и не мог проводить до места последнего упокоения своего старого, неизменного друга и покровителя.

Э. Л. РАДЛОВ

К. М. ФОН БЭР КАК ФИЛОСОФ [1]

В начале прошлого столетия господствующей философией был немецкий идеализм, с середины столетия в противовес ему появился позитивизм, зародившийся во Франции и получивший своеобразную форму в Англии и Германии.

Отношения Бэра к этим двум течениям мысли можно установить по его сочинениям, в особенности по его автобиографии, изданной в 1865 году. Его отношение к позитивизму установить не трудно, гораздо труднее определить его отношение к идеализму. В позитивизме ему должна была нравиться высокая оценка науки и уверенность, что существует только один метод, т.-е., что нет особого философского метода, например, диалектического или интеллектуального созерцания, но он не мог согласиться с отрицательным отношением к религии и философии; к тому же у позитивизма не было теории познания, а Бэр считал, что задача философии состоит в изучении науки, т.-е. в науке о науке. Что касается идеализма, то, как натуралиста, его могла привлекать натурфилософия Шеллинга, которой увлекались не в одной Германии, а также и в России — вспомним, например, Велланского и московского Павлова. Натурфилософия по своей тенденции была симпатична Бэру, но пути ее оказались для него неприемлемыми. Он два раза пытался слушать лекции шеллингианцев, первый раз в Дерпте, второй раз в Вюрцбурге; лекции дерптского профессора ему показались (и вероятно и были) отвратительной галиматьей, а вюрцбургского профессора он нашел скучным и разочаровался в нем. Туманность и неопределенность формул и аналогий, долженствовавших служить объяснением действительности, не могли удовлетворить Бэра. С сочинениями самого Шеллинга Бэр не решился ознакомиться; он, однако, не без удовольствия

[1] Речь, читанная 6 февраля 1927 года в Комиссии по истории знаний при Академии Наук СССР.

прочел „Натурфилософию“ Окена и на некоторое, правда недолгое, время сам оказался в сетях этого рода построений.

В Кенигсберге в 1822 году он прочел ряд публичных лекций, и ему казалось, что обобщение, которое он сконструировал, а именно: „Первоначальное единство развивается в множество, в соединении же они образуют всеединство“ [1] — может служить к объяснению мировых явлений; но вскоре он заметил, что в своем построении он шел не от непосредственно наблюдаемых фактов к обобщениям, а, наоборот, от общих положений, принятых без достаточной проверки и применяемых к фактам. Он понял пустоту подобных формул и убедился в том, что единственно правильным путем является путь точного наблюдения фактов и построения обобщений на основании наблюдения. Бэр отмечает опасное влияние, которое может иметь на человека науки чтение публичных лекций и частое обращение в печати к широкой публике: оно приучает принимать на веру непроверенные положения и ссылаться на авторитеты. Занятия сравнительной анатомией и биологией спасли Бэра от сетей натурфилософии; однако, было бы неправильно думать, что он совершенно излечился от своей симпатии: его продолжал привлекать „смелый полет к утренной заре, стремящийся там найти источник света“.[2] В конце автобиографии, где Бэр подводит итог научных достижений, изменивших к концу его жизни всю картину мира, он вновь вспоминает о Шеллинге и с чувством симпатии, смешанным с некоторым сожалением, говорит: „Так наука приближается путем наблюдения, измеряя и вычисляя, к той цели, к которой направлялся в начале столетия Шеллинг, полный юношеской отваги и задора, на воздушном шаре интеллектуального созерцания“.[3]

Пребывание в Вюрцбурге, занятия у профессора Дэллингера и чтение сочинений Кювье имели глубокое и благотворное влияние на Бэра. Особенно он считает себя обязанным про-

---

[1] „Die ursprüngliche Einheit entwickelt sich zur Vielheit, Einheit und Vielheit vereint bilden die Allheit“. Автобиография, Nachrichten über Leben und Schriften Dr. K. E. v. Baer mitgetheilt von ihm selbst S.-Petersburg. 1865, 4°, p. 398 sqq.

[2] „Der kühne Flug gegen das Morgenroth um dort des Lichtes Quelle aufzusuchen“. Автобиография, стр. 397.

[3] „In der Mongolfiere der intellectuellen Anschauung“. Автобиография, стр. 552 — 553.

фессору Дэллингеру, который научил его доверяться собственным силам.

Сам Бэр указал на двух лиц, которым он по духу был близок, это Гердер и Александр Гумбольдт. 13 мая 1859 года Бэр произнес в Петербургской Академии Наук речь в память скончавшегося А. Гумбольдта: „Каждая тропинка, по которой Гумбольдт шел", говорил Бэр, „вскоре становилась широкой дорогой научного исследования, ибо всякая тропинка направлялась к точке, из которой необходимо было возникнуть свету... Гумбольдт содействовал всякому научному стремлению, как никто другой... Он был многосторонним, но всегда точным наблюдателем, мыслителем с широким и глубоким взглядом, возвышенным провидцем".[1] Приведенные слова применимы вполне и к автору их.

Все указанные лица — Шеллинг, Дэллингер, Кювье, Гумбольдт — могли иметь влияние на развитие взглядов Бэра, поскольку они касаются природы; что же касается истории, то сам Бэр указывает на Гердера, как на родственного ему мыслителя, которого он считает „одним из величайших немцев".[2] Действительно, в понимании исторических и социологических вопросов у них много общего. Оба рассматривают историю как закономерный процесс, при чем не замкнутый в себе самом, а представляющий как бы продолжение геофизического процесса; поэтому оба мыслителя подчеркивают зависимость исторических явлений от географических условий, главным образом, от распределения тепла и воды. „Судьба народов", говорит Бэр, „предопределена с некоторой необходимостью местом их пребывания". Но как Гердер, так и Бэр ограничивают эту зависимость человека от внешних условий признанием в нем внутренних стремлений.[3] Закономерность исторических явлений Бэр объяснял аналогией с развитием организмов; поэтому-то он настаивал на том, чтобы государственные люди внимательно изучали историю, дабы закономерность научала их скептически относиться к отвлеченным теориям, несоответствующим постепенному ходу истории, и не осуществлять их на практике. Однако, оба мыслителя призна-

[1] Reden, St. Petersburg, 1864, Bd. I, S. 283 sqq.

[2] Автобиография, стр. 119.

[3] „Zur Entwickelung kommt dieses Schicksal freilich nur durch die dem Menschen eingeborenen Triebe".

вали свободу воли в человеке и роль индивидуальности в истории. Гердер называл человека звеном между животным и ангелом, а Бэр усматривал цель развития органического процесса в победе духа над материей, при чем в этой борьбе человеку принадлежит не последняя роль. Наконец, last not least, оба мыслителя чувствовали недоверие к систематическим построениям — у Бэра это недоверие было естественным результатом его увлечения и последовавшего затем разочарования в натурфилософии и критического настроения его ума.[1]

Достаточно сказано о духовных родственниках Бэра, обратимся теперь к его взглядам на науку, на философию и на педагогические проблемы.

Для нас Бэр есть представитель науки или главным образом науки. Но в конце его автобиографии, где он говорит на двух страничках о внутренней жизни, есть одна загадочная строчка, гласящее следующее: „Без сомнения, я слишком преследовал научные интересы, больше, чем это было хорошо“.[2] Я сначала понял эту фразу в том смысле, что Бэр упрекает себя в том, что недостаточно сосредоточивался на одном предмете, но вскоре я убедился в том, что это нужно понимать иначе, а именно, что Бэр жалуется на то, что всю жизнь научные интересы стояли на первом плане, не дав в достаточной мере развиться другим сторонам его души, например, поэтической, общественной и т. д. Перечисляя литературные произведения, которые он любил, он высказывает мысль, что ему совершенно непонятно, как можно написать роман в несколько томов или повесть в несколько листов, и не без юмора добавляет, что считал бы это совершенно невозможным, если бы это не было столь обыкновенным явлением. Думаю, что именно здесь и кроется причина, почему Бэр сделался только ученым, хотя и с весьма широким горизонтом.

Наука для Бэра не была бессвязной массой убеждений, а суммой убеждений, связанных между собой сознанием причины, почему они признаются истинными. Таким образом, нерв всякой науки лежит в доказательствах, иначе говоря, сущность науки есть критика, и этим, по мнению Бэра, западная наука

[1] Интересно было бы проследить влияние идей Бэра на философию, напр., на Спенсера, но этой задачи мы здесь не касаемся.

[2] „Ohne Zweifel habe ich mehr wissenschaftliche Interessen verfolgt, als gut war.“ Автобиография, стр. 601.

отличается от восточной. Западная наука, родившаяся в Греции, подготовленная схоластикой — вся критична, в то время как восточная покоится на вере в недоказанные положения; она догматична. Под одним из портретов Бэра очень удачно помещена краткая характеристика Бэром науки: „Наука вечна в своем источнике, она беспредельна по своему объему, бесконечна по своей задаче и недостижима по своей цели“.[1] Из этого видно, что Бэр, несмотря на высокую оценку науки, понимал ее ограничения; эти ограничения двоякого рода: с одной стороны, внешние, заключающиеся в том, что человек окружен со всех сторон бесконечностью, бесконечно малым и бесконечно большим, пространственной бесконечностью и временной безначальностью, с другой — он ограничен внутренними условиями, т.-е. невозможностью выйти из своей субъективности. Отсюда ясно, что наука, не будучи в состоянии постичь бесконечность, доводит человеческое познание только до ее порога; с другой стороны, очевидно, что истинное поле деятельности науки есть конечный мир, который она может не только понять, но в известной мере и покорить. Отсюда же следует и то, что настоящий путь науки есть изучение предметов и причинной связи их, т.-е. путь от частного к общему, а не наоборот.

При таком понимании науки, Бэр не мог придавать слишком большое значение философии. Задачу философии можно понимать двояко, а именно: во-первых, или приписывать философии отдельную отрасль знания, например, изучение познания или теории познания, или же, во-вторых, можно смотреть на философию, как на систематическое построение картины мира и всего, что в нем содержится. Намеки на оба понимания мы находим у Бэра; мы видели, что он высказал мысль, что предмет философии есть теория науки, но на ряду с этим он под философией разумеет и построение картины мира. И к такой философии он относится скептически; поэтому он редко говорит о том, как он себе представляет решение наиболее глубоких вопросов. Из вторых рук[2] можно заимствовать разные мысли, которые рисуют его религиозные и философские представления, но мы по этому пути не последуем и будем держаться его

[1] Это напоминает Гетевское изречение: „Все, чем серьезно займешься, оказывается бесконечным“.

[2] Например, из книги о Кейзерлинге, часто беседовавшем с Бэром, изданной его дочерью, бар. Таубе.

собственных произведений и выводов из них. Бэр уверен, что всякая философия имеет лишь относительную истинность, безусловно истинной не существует, такая философия еще не найдена и вряд ли будет найдена. Все системы всегда исходят из некоторых, часто обследованных, положений, и нужно думать, что эти положения глубоко заложены в душевной организации человека.[1] Указанные мысли, выражающие скептическое настроение Бэра, объясняют его неохоту распространяться о философских проблемах. Его скепсис не коснулся одного пункта: он, вместе с Д. Юмом и Кантом, признает за математическими истинами безусловный характер.

Если мы, несмотря на только-что сказанное, попытаемся формулировать философию Бэра, то нам придется сказать, что он склонен к пантеизму с идеалистическим оттенком, таким, какой мы видим, например, у Шеллинга и Гегеля, но не таким, какой имеется у Спинозы. В природе он видит заложенными разумные начала; он, таким образом, держится телеологического миропонимания, т.-е. защищает целесообразность. Но, в виду того, что телеология пользовалась не очень хорошей репутацией — шестьсот с лишним доказательств бытия божьего, приводимых Афанасием Кирхнером дискредитировали это учение — вероятно в виду этого Бэр сочиняет особый термин — „целестремительности“ (Zielstrebigkeit) вместо целесообразности (Zweckmässigkeit) для того, чтобы оттенить свое понимание телеологии. Здесь не место, конечно, рассуждать о том, в какой мере ему удалась эта замена, отметим только, что он совершенно правильно утверждает, что всякая необходимость и принудительность в природе ведут к целям, и что всякая цель достигается необходимостью и принудительностью, иначе говоря, что телеология не исключает механизма, но не наоборот. Телеологическое мировоззрение заставляет Бэра критиковать материализм. В этой критике он высказал несколько новых соображений и выказал остроумие; мы укажем лишь на одну его мысль, а именно, что философы нашего времени придают слишком большое значение предположенному физиологами механизму мозга:

„Если бы все духовные действия, предпринятые мозгом, были физико-химическими или механическими, как их теперь

---

[1] Автобиография, стр. 238.

называют, то всякому результату должно бы соответствовать своеобразное действие: особенная операция для круга и особенная для представления квадрата. Да и различные числа должны были возникать различным путем. Однако, все математические истины суть необходимые истины, и от организации мозга не зависит, что квадрат 10 есть 100, а не более или менее. Безусловная необходимость математики может быть познана или оставаться непознанной, но она не может быть произведением мозга".

В конце жизни Бэр застал победное шествие дарвинизма, и это принудило его выяснить печатно свое отношение к этому учению, тем более, что многие считали его предшественником Дарвина. Бэр был эволюционистом, но не был дарвинистом. От теории Дарвина его отделяло двоякое: 1) самое понимание эволюции, 2) указание тех способов, от которых зависит развитие. Дарвин принимал прямолинейное развитие от простейших форм жизни к наиболее сложным и совершенным, при чем движущей силой эволюции являлись, главным образом, внешние условия. Бер же, хотя и думал, что „в экономике природы целью является непрерывное становление, а не непрерывное пребывание",[1] все же не допускал прямолинейной и непрерывно восходящей трансмутации форм живых существ. Он допускал возможность трансмутации лишь некоторых форм в то время, когда на земле действовали более могущественные образующие силы, самый же процесс эволюции для него представлялся как постепенная победа духа над материей.[2] Этим определяется и способ, которым идет эволюция, зависящая не только от внешних условий, но и от внутренних причин. Это признание внутренних действующих начал не позволяло Бэру смотреть на инстинкт — а инстинкт Шеллинг называл „das dunkelste der Dinge" — как на первоначально разумные и сознательные действия, ставшие привычными и переданными по наследству — точка зрения, укрепившаяся у физиологов и воспринятая, например, Г. Спенсером.

Немецкий идеализм, как известно, отнял у людей действительность, подменив ее явлением; он объявил пространство и время только формами нашей чувственности, а мате-

---

[1] Reden, Bd. II, p. 247.
[2] Reden, Bd. II, p. 246.

рию и дух, поскольку они познаются, только явлениями. Таким образом, вся реальность куда-то исчезла, и стоило много труда ее вновь обрести. Бэр как натуралист, конечно, не мог с этим согласиться: он на мир смотрел глазами натуралиста, т.-е. признавал объективный мир действительностью, а не явлением только; пространство и время для него имели точно также ту реальность, которая гарантирована им данными восприятия. Если бы Бэр держался воззрений Канта на время — о Канте он говорит всегда с уважением, — то в статье, в которой он ставит измерение времени в зависимость от быстроты биения пульса, которым в свою очередь определяется количество воспринимаемых представлений, он имел полное основание упомянуть о Канте; но он этого не сделал.

Насколько мы отошли от Канта видно из того, что теперь признают некоторую реальность пространства и времени и отрицают существование материи, в то время как Кант провозгласил пространство и время субъективными формами, т.-е. чистым небытием, а за материей признал все же значение явления.

Бэр долгое время был профессором в Кенигсберге и у нас в Военно-Медицинской Академии, поэтому полезно выслушать, что он имеет сказать по поводу преподавания.

Бэр советует не начинать обучения слишком рано и не напрягать слишком сил ребенка. Сам он воспитывался сначала дома, потом в старших классах ревельской Domschule, где директором был превосходный классик и педагог; математика тоже преподавалась очень хорошо. Пример школы, в которой он пробыл два или три года, убедил Бэра в пользе двух типов школ — классической и реальной. Пользу изучения древних языков Бэр видит не в усвоении содержания древнего мира, а в умственной гимнастике, для которой перевод с древних языков и на древние языки дает отличный материал.[1] Защитники классицизма видят значение преподавания древних языков и литературы в усвоении истинной гуманности (Humanität), но на это Бэр возражает, что женская половина человечества в Европе не знает древних языков, но не лишена гуманности, сверх того самый идеал гуманности древних го-

[1] Эту мысль развил кн. Сергей Трубецкой в одной статье в „Вопросах философии".

раздо ниже того, который выработался в средние века и в новое время. Не отрицая значения изучения классического мира и сожалея о том, что латинский язык перестал быть языком ученых, Бэр правильно указывает, что круг изучения филологов-классиков довольно узкий, и они к одному и тому же материалу стараются подходить все с новых и новых точек зрения, считая новые отрасли знания излишними или бесполезными.

В то время, когда жил и действовал Бэр, существовало, между прочим, мнение, что библиотекарь непременно должен быть образованным классиком; Бэр полагает, что для библиотекаря гораздо важнее знакомство с историей литературы. „Истинную задачу школы", говорит Бэр, „я усматриваю в упражнении последовательного и критического мышления", и эта цель может быть достигнута как классической, так равно и реальной школой.

Бэр намеревался стать медиком и для этой цели подготовлялся в Дерптском и Венском Университетах. Первый Университет, в его время недавно лишь открытый, был в довольно жалком состоянии, а Венский Университет, хотя и славился постановкой медицины, не удовлетворил молодого доктора, и лишь в Вюрцбурге у Дэллингера он нашел свою дорогу и научился самостоятельно работать.

Бэр хотя и не отрицает пользы чтения лекций, но центр тяжести университетского преподавания усматривает в практических занятиях, руководимых профессором и долженствующих научить студента научному исследованию. Бэр находил, что университеты следовало бы учреждать в городах средней величины, ибо в больших городах студенты находят слишком много развлечений и отвлечений, а в слишком маленьких — он, повидимому, имеет в виду Дерпт — вся жизнь города вращается около студенчества, как своего центра, и это имеет скверные последствия в моральном отношении.

Бэр считает богатые библиотеки более важным средством культуры, чем университеты.

Равенство в оплате труда за лекции Бэр считает не только не необходимым, а, напротив, несправедливым.

Сравнивая немецкую систему управления университетами с русской, он отдает предпочтение первой: в России, когда желают поднять учебное заведение, то ломают весь его строй

и дают новый устав, в котором точнейшим образом установлено число кафедр и доцентур; но так как предвидеть рост науки нельзя, то устав оказывается слишком стеснительным, задерживающим естественный рост науки и преподавания. В Германии, напротив, предоставляют учреждению расти и по мере необходимости добавлять новые пристройки, т.-е. новые кафедры.

Должно быть в педагогическом отношении Бэр испытал в России некоторое разочарованиие, ибо Делянову, спрашивавшему его совета, он сказал: „В России только сеют, но жатвы не видят".[1]

Мне остается только остановиться еще на некоторых чертах душевного склада Бэра.

1) Первое условие для всякого ученого состоит в научной честности, но честность есть явления сложное: она иная по отношению к другим людям, иная по отношению к предметам, иная по отношению к самому себе. Быть честным по отношению других — легко, нужно только отдавать полученное, т.-е. указывать источник идей или цитат, заимствованных, взятых на прокат. Труднее честность по отношению к предметам исследования; она состоит в том, чтобы признавать за истинное только то, что проверено или то, верить в существование чего имеешь достаточное основание: так, лицо никогда не бывшее в Америке, следовательно само не проверившее существование этой страны, все-таки обнаружило бы слишком легкомысленный скепсис, если б стало отрицать достоверность лиц, утверждающих существование Америки. Но самый трудный вид честности без сомнения тот, который относится к самому себе и состоит в постоянной самокритике. Бэр в высшей мере обладал этим видом честности, в недостатке коего он упрекает физиолога Бурдаха, единственного человека, с коим Бэр вел полемику личного характера. В самокритике Бэр иногда идет даже слишком далеко; так например, он по поводу открытия, прославившего его имя, говорит, что он обязан более всего остроте своего зрения, обязан больше счастливому случаю, чем своему усилию.[2]

---

[1] „In Russland wird nur gesät und nichts geerntet".

[2] „Mehr Glück als Verdienst". Автобиография, стр. 435 и 439.

2) Вторая черта характера Бэра состоит в его многосторонности. Хотя он и настаивал на значении отвлеченного знания, но в то же время он весьма ценил практическое применение науки, и достижения его в этой области общеизвестны. Упомянуть следует только о тех его работах, которые лежат далеко за пределами его главных научных интересов, а именно его историко-филологических исследованиях: так, он поместил золотоносный Офир на Малакский полуостров — мнение которого держался и Колумб — а гомеровских Листригонов в Балаклавскую бухту. Филологи не соглашаются с этими воззрениями, но для нас важны они потому, что в них обнаруживается еще одна черта его ума, а именно:

3) чрезвычайная наблюдательность, внимание к деталям и наглядность. Я в одной книге об успехах в жизни прочел, что главное условие успеха в жизни, это — обращение внимания на детали. Американец, автор этой книги, рассуждает так: чтобы добиться успеха следует что-нибудь делать лучше, чем это делают все остальные люди, хотя бы это был совершенный пустяк, а достичь этого возможно лишь при обращении внимания на детали. Что Бэр обладал этим свойством в высшей мере, это доказывает, например, следующий случай в его жизни. Ему пришлось провести несколько времени на станции Казбек вследствие снежных заносов. И вот в комнату вошел пленный турецкий паша (дело было во время войны 1854—1855 годов) и тотчас направился к дивану и сел, поджав под себя ноги для того, чтобы отдохнуть от неестественной позы, в которой находились его ноги, когда его везли в кибитке. Через некоторое время в ту же комнату вошел русский генерал, потребовал себе чашку чая и стал пить чай стоя, чтобы расправить ноги и отдохнуть от непривычной позы в кибитке. Разницу в способе отдыхать Бэр не только тотчас подметил, но и объяснил ее сложившимися привычками, оставившими след в мускулатуре.[1]

4) Четвертая черта, на которой невольно останавливается внимание при чтении Бэровских произведений, это чрезвычайная простота его не только изложения, но и самого хода мыслей; так например, так называемые законы Бэра, объясняющие строение берегов европейских рек, текущих с севера на

[1] Автобиография, стр. 582 — 583.

юг, и распределение жизни на земной поверхности, доступны пониманию всякого. Ломброзо очень неудачно сопоставлял гений и сумасшествие; простота есть свойство гениальности, и Ницше, сопоставивший гениального человека и младенца более прав, чем Ломброзо.

5) Наконец, нельзя не отметить еще одной черты, бросающейся в глаза при чтении его автобиографии: он умел быть стариком, и это искусство было им не приобретено, а дано самой природой. Быть стариком, это значит смотреть на все под видом вечности, sub specie aeternitatis. Разочарования, которые жизнь приносит всякому, в человеке, обладающем искусством быть стариком, не вызывают ни озлобления, ни зависти, но они в то же время не делают его равнодушным. Это есть настроение резиньяции. Но не всякому легко создать в себе это настроение, предполагающее и самоограничение, и самокритику, и скепсис. У Бэра легко подметить все эти черты, создающие в нем то, что мы называем юмором. Юмор возвышает человека над всем конечным и в то же время не исключает любовного отношения ко всему конечному.

Может, наконец, возникнуть вопрос: кто был Бэр, немец или русский? Какой науке служил он, немецкой или русской? На это, конечно, следует ответить, что он не служил ни той, ни другой, а науке вообще, что он был выше всех национальных перегородок. И если Россия имеет основания вспоминать о том, что некоторые немцы оставили о себе очень дурную память, то Бэр во всяком случае доказал, что можно, будучи немцем, служить честно и плодотворно России.

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

TRAVAUX DE LA COMMISSION D'HISTOIRE DES SCIENCES

(Traduction des titres originaux.)

1. V. Vernadskij (W. Vernadsky). Quelques idées sur l'importance actuelle de l'histoire des sciences. 1927.

2. **Premier recueil dédié à la mémoire de K. v. Baer.** V. Vernadskij (W. Vernadsky). — M. Solovjev. — E. Radlov. 1927.

3. B. Turajev. Travaux scientifiques russes sur l'Orient Classique parus jusqu'en 1917. (Sous presse.)

4. L. Berg. Aperçu de l'histoire de la science géographique russe. (Sous presse.)

ESSAIS SUR L'HISTOIRE DE LA SCIENCE

(Traduction des titres originaux.)

I. **Newton (1727 — 1927).** A. Belopolskij. — A. Krylov. — P. Lazarev. — A. Ivanov. 1927.

II. **A la mémoire de M. Castrén.** En commémoration du 75-e anniversaire de sa mort. S. d'Oldenburg. — V. Bogoraz. — L. Sternberg. — D. Bubrich. — N. Poppe. — A. Samojlovič. — B. Vladimircov. — V. Bogoraz. — J. Koškin. — L. Modzalevskij. 1927.

III. **M. Berthelot (1827 — 1927).** D. Konovalov. — I. Kablukov. — S. Vukolov. — B. Menšutkin.

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ЗНАНИЙ

1. В. И. Вернадский. Мысли о современном значении истории знаний. 1927.

2. **Первый сборник памяти Бэра.** В. И. Вернадский.—М. М. Соловьев.—Э. Л. Радлов. 1927.

3. Б. А. Тураев. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. (В печати.)

4. Л. С. Берг. Очерк истории русской географической науки. (В печати.)

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗНАНИЙ

I. **Ньютон (1727—1927).** А. А. Белопольский.—А. Н. Крылов.—П. П. Лазарев.—А. А. Иванов.

II. **Памяти М. А. Кастрена.** К 75-летию дня смерти. С. Ф. Ольденбург.—В. Г. Богораз.—Л. Я. Штернберг.—Д. В. Бубрих.—Н. Н. Поппе.—А. Н. Самойлович.—Б. Я. Владимирцов.—В. Г. Богораз.—Я. П. Кошкин.—Л. Б. Модзалевский. 1927.

III. **М. Бертело (1827—1927).** Д. П. Коновалов.—И. А. Каблуков.—С. П. Вуколов.—Б. Н. Меншуткин.

Цена 75 коп.